

Вся жизнь — выбор.
Время сделать
ещё один.

ЛУННЫЙ ВЕТЕР

Евгения Сафонова

Сага о Форбиденах

Евгения Сафонова

Лунный ветер

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафонова Е. С.

Лунный ветер / Е. С. Сафонова — «Эксмо», 2018 — (Сага о Форбиденах)

ISBN 978-5-04-168101-2

«Лунный ветер» входит в цикл Евгении Сафоновой «Сага о Форбиденах». История происходит за 200 лет до событий, описанных в романе «Когда завтра настанет вновь». Это история о Туманном Альбионе, каким он мог бы быть: где феи живут рядом с людьми, вампиры рыщут по ночным улицам в поисках жертв, а Инквизиция охотится на колдунов-отступников. Это история о времени, когда женщины лишь начинают обретать право голоса, а судьбу страны вершит молодая королева Виктория. Это история о девушке, которая любила страшные сказки и мечтала стать героиней одной из них. Когда поместье по соседству покупает таинственный незнакомец, а следом в округе объявляется оборотень и начинается череда загадочных смертей, она решает разобраться, кто всему виной. Но что делать, если тот, в ком ты подозреваешь монстра — единственный, с кем ты хотела бы связать свою жизнь? ...а ещё это история о выборе. О судьбе. И о той цене, которую порой нам приходится платить за счастье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168101-2

© Сафонова Е. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	12
Глава третья,	15
Глава четвёртая,	18
Глава пятая,	22
Глава шестая,	25
Глава седьмая,	31
Глава восьмая,	37
Глава девятая,	48
Глава десятая,	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Евгения Сергеевна Сафонова

Лунный ветер

© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*С глубочайшим уважением к Шарлотте Бронте и Джейн Остин,
светлой памяти Дэвида Боуи.*

*Спасибо Кире Фроловой, Юле Яковлевой, Ане Петелиной,
Вячеславу Бакулину и всем, кто любит «Ветер» и другие мои истории.
Этой книги не было бы без вас.*

...От мысленного волка звероуловлен буду...
Иоанн Златоуст

Глава первая, в которой мы знакомимся с корсаром

– Сегодня к нам на ужин пожелует мистер Фёрбиден, – как бы невзначай бросил отец, когда подали десерт. – Я счёл, что настала пора наконец познакомиться с новым соседом.

Матушка холодно изогнула бровь:

– Фрэнк, кажется, я уже высказывала тебе своё мнение на этот счёт.

– Дорогая, мы будем ничем не лучше его, если начнём пренебрегать правилами приличия.

– Нувориш в Хепберн-парке! Бедная леди Энн! Продать имение этому... этому...

– Матушка, это правда, что мистер Форбиден – корсар? – подала голос Бланш, прежде чем с бесконечным изяществом отправить в рот кусочек пудинга.

– Он контрабандист, душечка. Не путай. Контрабандисты, в отличие от корсаров, грабят честных людей на суше.

– Нэнси говорила, он привёз в Хепберн-парк сотню сундуков, полных золота и драгоценностей!

– Вполне возможно, что она недалеко от истины, – заметил отец.

– Не забивай голову рассказами Нэнси, душечка. Она что только не говорит. А даже если так, это не изменит моего отношения к нему. Боги, мне страшно подумать, что такой человек осквернит наш дом своим присутствием!

– Ничего, – проворчал отец, – думаю, грядущий день и прибытие твоего дражайшего лорда Чейнза его очистят.

Матушка кинула на него испепеляющий взгляд – и папа, вздохнув, поправил салфетку на коленях, прежде чем покоситься на меня.

– Ребекка, – произнёс он ласково и немного встревоженно, – ты ни кусочка не съела.

– Я не голодна.

– Она нервничает, папенька, – прошептала Бланш. – Ребекка, почему ты так нервничаешь? Джон тоже приезжает завтра, но это ведь не мешает мне спать по ночам!

– Бессонница? – Глаза отца сделались ещё более встревоженными. – Ребекка, что тебя беспокоит?

Я пожала плечами.

– Эти твои страшные сказки, – решил отец. – Сколько я тебе говорил: поменьше читай на ночь!

– Жизнь – самая страшная сказка из всех возможных.

– Что за глупости!

Я стиснула сложенные на коленях ладони в кулаки.

Идти до конца? Впрочем, какая уже разница.

– В сказках герои обычно живут долго и счастливо, – тихо проговорила я. – После свадьбы... по любви.

Тишина, повисшая в столовой, с тихим перезвоном всколыхнула хрустальные подвески люстры.

– Ребекка, – ровно произнесла матушка, – мне казалось, мы пришли к согласию по этому вопросу.

– Да. Согласие выбивали из меня долго и слёзно.

– Ребекка, Том – блестящая партия. Мы и мечтать не могли...

– Матушка, почему я должна расплачиваться за ваше тщеславие? – Сила собственного голоса поразила даже меня, но отступать было поздно. – Мы не бедствуем, и Бланш в надёжных руках. Разве титул стоит моей порушенной жизни?

Матушка аккуратно положила вилку и нож: с разных сторон тарелки, идеально симметрично.

– Я надеялась, мне не придётся этого говорить, но раз ты вынуждаешь... – Взгляд цвета озёрного льда устремился на моё лицо. – Ребекка, меня всегда приводили в отчаяние мысли, что мою старшую дочь боги жестоко обделили своими милостями. Внешность? Весьма на любителя, если быть откровенной. Вышивание или рисование? Помилуйте, эти руки только с виду тонки: это руки свинопаса, не благородной леди. Музицирование? Ни голоса, ни слуха. Танцы? При бесспорной грации движений – никакого желания. Добрый нрав? Упрямство норовистой кобылы – при столь остром уме, что впору порезаться. Да, ты говоришь на двух языках, не считая родного, и все вечера просиживаешь за книгами, но кому это нужно? А в довершение всего – никакого стремления исправлять свои недостатки.

– Маргарет...

– Фрэнк, дай мне высказаться. Да, Ребекка, все эти годы меня утешала лишь мысль, что всё недоданное тебе досталось Бланш. – Сестра на этих словах покраснела, как всегда, удивительно мило. – Однако это не отменяло горечи осознания, что моя старшая дочь, скорее всего, останется доживать свой век старой девой. И тут – не просто шанс, а...

– Бланш оправдала ваши надежды. Я счастлива, что моя сестра обретёт достойного, любящего и любимого супруга. – Только бы голос не дрогнул. – Но я так и не услышала ответа на свой вопрос.

– Это и был ответ. – Женщина, родившая меня на свет, надменно вскинула подбородок. – Боги подарили нам сказочный шанс, которого тебе больше не представится. И я не допущу, чтобы ты отвергла предложение Тома, до конца своих дней повиснув на нашей шее мёртвым грузом, вызывая насмешки над собой... и надо мной.

– Маргарет!

Грозный окрик отца я расслышала словно сквозь подушку: буря эмоций, поднявшаяся в душе, странным образом помутила мой слух.

– Ваша точка зрения мне ясна. – Я встала, опершись ладонью на стол. Почему она дрожит? От гнева? И неужели этот тонкий голосок принадлежит мне? – Благодарю, миссис Лочестер.

– Ребекка...

Но я уже выскочила из столовой, не желая слушать, и крики матери и отца летели в спину, пока я бежала к парадной двери: до неё было ближе.

Нет, не остановлюсь. Не дождутся.

По высоким каменным ступеням спустившись с террасы особняка, мимо яблоневого аллеи, сыпавшей снег лепестков на садовые дорожки, я устремилась на задний двор. Пробежав мимо крольчатника, вошла в конюшню. Ветер, переминавшийся в деннике, встретил меня тихим радостным ржанием. Погладив коня по мягкой морде, я обратилась к подоспевшему конюху:

– Оседлай его, Элиот.

Старик изумлённо оглядел меня с головы до пят.

– Но, мисс...

– Элиот, скорее. – Не объяснять же, что переодеваться в амазонку времени нет. – Прошу.

Старик покряхтел, но покорно полез за седлом.

Когда мы с Ветром рысью выехали с заднего двора, матушка стояла на крыльце, высматривая меня в саду. Увидев вздорную дочь, она подобрала было юбку, дёрнулась вперёд, но, вспомнив о чувстве собственного достоинства, застыла на месте, скрестив руки на груди.

– Ребекка Лочестер, – отчеканила она, – я приказываю тебе...

– Я вам не служанка, матушка, – бросила я, прежде чем сорвать коня в галоп.

Лицо матери, искажившееся от изумления, на миг выделилось из круговерти размывшихся окрестностей. Потом его сменила яблонева аллея, а её – гладь пруда; и когда копыта Ветра прозвенели по каменному коромыслу моста через реку, садовая зелень уступила место вересковым полям.

Бешеная скачка вернула ясность мыслям. В конце концов, что нового для себя я открыла? Что для матери я нелюбимый ребёнок? Это было ясно и так: за все восемнадцать лет своей жизни я не услышала от неё ни единого ласкового слова. «Душечка», «радость», «лилией моя» – всё это предназначалось Бланш, для меня оставалось лишь формальное «Ребекка».

То, что покатые плечи, льняные локоны вкупе с синей омутностью очей и многочисленные таланты нашей благородной матушки достались моей сестре, тоже откровением не являлось. Меня одарили угловатостью всех мест, которые могут быть угловатыми, неуправляемой копной каштановых волн и серой бесцветностью глаз; я когда-то смела считать их цвет подходящим на грозное небо, но матушка поспешила меня в этом разубедить. Каким-то невероятным образом все достойные и недостойные черты наших благородных родителей перемешались, и последние поспешили воплотиться во мне, тогда как первые заботливо подождали рождения моей сестры. Да, я училась куда лучше Бланш, прекрасно разбиралась в цифрах, а на коне сидела, по выражению отца, «будто родилась в седле», но... для матери эти таланты явно не являлись главенствующими.

То, что Бланш примет предложение Джона Лестера, я могла предположить задолго до этого счастливого события, свершившегося зимой. Пускай я не находила ровным счётом ничего привлекательного в этом елейном щёголе, но и предложение делали не мне. Конечно, матушку не радовало, что Бланш обручилась прежде старшей сестры, но отец не стал отказывать хорошему жениху лишь потому, что младшая дочь должна «ждать своей очереди». И завтра елейный щёголь прибудет сюда, в Грейфилд, на празднование дня рождения своей невесты; а по такому случаю лорд Дарнелл Чейнз, наш сосед, тоже решил удостоить наше скромное жилище своим присутствием. Вместе с Томом, его единственным сыном и моим дорогим другом.

Учитывая, что лорд Чейнз в последнее время вёл оживлённую переписку с моим отцом, даже слуги знали, что завтра Том попросит моей руки.

Я вынырнула из холодного течения собственных мыслей уже у самой кромки леса. Осадив Ветра, спрыгнула наземь. Уткнувшись лбом в буланую шкуру коня, зарыла пальцы в вороную гриву, постояв так недолго. Скулы, которые отхлестал встречный ветер, горели; шпильки, выбившиеся из причёски, тянули волосы. Я досадливо вытащила некоторые из них, а затем, подумав, избавилась от всех. Зашвырнула шпильки подальше, тряхнула волосами, наконец свободными, – и села на мягкий вереск, обняв руками колени.

Некоторое время я смотрела на поля перед собой. Потом откинулась назад, прикрыв ладонью глаза, защищая их от колючего солнца, чтобы взглянуть в хрустальный купол голубого неба надо мной. Растирая в пальцах вересковые цветы, позволила себе на минуту сомкнуть веки.

Том, Том... зачем я тебе? Кому из нас станет лучше от этого брака? Принесёт ли тебе счастье покорная, но нелюбящая жена?

И будет ли она покорной...

Когда я открыла глаза, то не сразу поняла, почему небо не голубое, а розовое.

Когда же поняла – вскочила и, судорожно отряхнув платье, окликнула Ветра, терпеливо пасущегося неподалёку.

Заснула! Да так, что уже смеркается! Неужели пропустила ужин? Дома, наверное, с ума сходят...

Мост, отделявший поле от сада, Ветер преодолел без единого звука: он летел так быстро, что копыта его едва касались земли, так, как умел он один. Я гнала коня с одной мыслью – успеть, пока градус родительского гнева не достиг точки кипения.

Но, как выяснилось, уже можно было не спешить.

Поручив Ветра заботам Элиота, поджидавшего у крыльца, я медленно поднялась наверх, на террасу: там ждали отец, с облегчением отиравший лицо платком, матушка, сжавшая губы в тончайшую линию, и некто в чёрных одеждах.

– А, вот и блудная дочь, – ледяным тоном проговорила матушка, когда я всё-таки преодолела каменные ступени.

Я ответила ей взглядом, в котором не было ни капли раскаяния.

– Знакомьтесь, мистер Форбиден, – вздохнул отец. – Наша старшая дочь, мисс Ребекка Лочестер.

– Мисс Лочестер, – повторил стоявший меж родителями незнакомец, прежде чем оглядеть меня с головы до ног.

Я знала, что он видит. Растрёпанную каштановую гриву, тонкие руки без перчаток, больше шеротое личико с пылающими скулами и платье в веточках вереска. Посмешище, пародию на благородную леди.

Но это зрелище отчего-то заставило его улыбнуться.

– Гэбриэл Форбиден, – наконец представился мужчина. – Безмерно рад знакомству.

Я молчала, на миг забыв о необходимости ответа.

Его одежды казались отрезом ночного мрака, опередившего время и просочившегося в закат. Новый владелец Хепберн-парка казался моложе моего отца, на вид я дала бы ему от тридцати пяти до сорока. Умирующее солнце окрашивало багрянцем его светлые, почти белые волосы, прихваченные чёрной лентой в низкий хвост. Черты гладко выбритого лица мужественно-изящны, тонкие губы улыбаются какой-то порочной улыбкой, в руке, облитой чёрной перчаткой, – конский хлыст... Но об ответе меня в первую очередь заставили забыть глаза «корсара». Правый, серебристо-голубой, с узкой чёрной точкой в центре, и левый – карий с зеленоватым отливом, с широким кругом по-кошачьи расширенного зрачка.

Глаза притягивали взор. И не только своей природной поразительностью, но и взглядом: он был уверенным – без гордыни, изучающим – без пытливости, ироничным – без пренебрежения, умным – без кричащего желания выказать собственные знания. Владелец такого взгляда явно знал себе цену, но предпочитал не проявлять свои таланты без особой на то надобности, крайне редко отпирая замки собственной души.

А ещё он был... опасным.

И несколько хищным.

– Очень рада, – всё-таки промолвила я, присев в реверансе.

– Должен сказать, ваши родители были столь обеспокоены вашим отсутствием, что даже не решились сесть за стол... хотя ваша сестра неоднократно и недвусмысленно намекала на то, что она голодна.

Голос его был спокойным, звучным и певучим. Он сказал не более того, что сказал, однако я откуда-то поняла: он, познакомившийся с обитателями Грейфилда всего пару часов назад, знает всё про матушкины приоритеты.

– Сожалею, что доставила вам столько неудобств, – обращаясь к нему одному, ответила я.

– Извинения – слишком зыбкая материя, чтобы принимать их в качестве платы за неудобства.

Эти слова заставили меня на миг оторопеть.

– Я... не люблю ходить в должниках, мистер Форбиден.

– Тогда в ваших интересах быть со мной повнимательнее. Возможность вернуть долг может представиться в любой момент, самый неожиданный для вас. – Новый знакомый согнулся в поклоне и, ловко перехватив мою руку, коснулся её сухими губами. – Что ж, не осмелюсь мешать воспитательному моменту, который, несомненно, сейчас последует. – Выпрямившись, он сощурил разноцветные глаза, устремив взгляд куда-то за моё плечо. – Но неужели помимо блудной дочери у вас есть блудный сын?

Я обернулась. Рассекая закатные лучи, каурый жеребец нёс к Грейфилду всадника – и эти тёмные кудри, плещущиеся по ветру, я узнала даже с такого расстояния.

Сегодня? Почему?..

– Том! – ахнула матушка.

Отец поспешно и капельку озадаченно поправил бакенбарды, и родители поспешили спуститься вниз. Я последовала за ними, недоумевая, отчего друг решил нанести визит раньше срока, одновременно радуясь этому визиту – и досадуя при воспоминаниях о том, чем он должен завершиться.

– Томас! – улыбнулся отец, стоило всаднику спешиться. – Очень, очень рад.

Тепло улыбаясь в ответ, Том пожал протянутую ему руку; глаза его сияли бэльтайнской¹ зеленью.

Мы не виделись меньше месяца, но за это время, казалось, он успел повзрослеть и больше не выглядел в свои двадцать сущим мальчишкой. А ещё капельку осунулся, впрочем, это его только красило.

– Мистер Лочестер! Прошу прощения за неожиданный визит, но я решил, что не слишком обременю вас этим сюрпризом. Не терпелось вас повидать... к тому же есть одно дело, которое мне хотелось бы уладить до приезда отца.

Моё сердце провалилось, словно на качелях, но Том уже повернулся в мою сторону.

– Ребекка! – Казалось, он не подошёл ко мне, а подлетел. – Боги, как ты похорошела!

Иногда мне жаль, что мы не фрэнчане. В их языке так легко отличить церемонное «*vous*»² от тёплого и простого «*tu*»³. Но интонация Тома заставила меня подозревать: если бы он обратился ко мне на фрэнчском, это было бы «*vous*» – церемонное до тошнотворности, – на которое он сбивается всё последнее время. С тех самых пор, как для него наша нежная детская дружба переросла в нечто большее.

Увы, только для него.

– Позволишь мне руку?..

– Том, ты всегда из Ландэна возвращаешься сам не свой, – устало ответила я, даже не думая жаловать ему ладонь для желанного им поцелуя. – К чему эти церемонии? Ты знаешь, как я не люблю подобное.

– Том ведёт себя как истинный джентльмен, – заулыбалась матушка. – Кому-то неплохо было бы взять с него пример и не забывать о хороших манерах.

– Полагаю, матушка, вести себя по-джентльменски мне будет трудновато, – заметила я хладнокровно и зло. – Не могу сказать, что горю желанием погибнуть в цвете лет на дуэли, отстаивая чью-либо честь, а с характером... как вы изволили выразиться... «норовистой кобылы» избежать дуэлей будет нелегко.

В ответ меня смили почти угрожающим взглядом, но в этот миг за моей спиной зазвонел незнакомый, приятный, хорошо поставленный смех: наш гость явно оценил шутку.

– А, знакомся, Том, – проговорил отец, усиленно пряча улыбку в уголках губ. – Мистер Гэбриэл Форбиден, новый владелец Хепберн-парка. Мистер Форбиден – лорд Томас Чейнз.

¹ Кельтский праздник, отмечаемый в ночь на первое мая.

² Вы (фр.).

³ Ты (фр.).

Рукопожатие было коротким и безмолвным. Том, словно следуя моему примеру, изумлённо вглядывался в глаза нового знакомого; ответный взгляд был с прищуром – ещё ироничнее прежнего.

– Значит, это вы купили поместье, – наконец проговорил Том. – Как там леди Хепберн?

– Полагаю, наша сделка поможет ей не только погасить долги почившего супруга, но и безбедно прожить остаток дней. Правда, при всех моих наилучших ей пожеланиях, боюсь, что остаток этот будет весьма немногочисленным. – Мистер Форбиден улыбнулся. – Ну-ну, не смотрите на меня так, милорд Томас. Я лишь констатирую очевидный факт. И моё предложение касательно Хепберн-парка было более чем щедрым: мне нет нужды грабить бедных старушек.

– Я... не...

– Что ж, полагаю, теперь я точно здесь лишний, – заключил «корсар». – Позвольте откланяться.

– Уже? Оставайтесь на долгожданный ужин, мистер Форбиден!

– Не думайте, что я проявлю великодушие и не поймаю вас на слове, но как-нибудь в другой раз, мистер Лочестер.

Отец, добродушно вздохнув, подал знак Элиоту, ждавшему неподалёку, – и старик, уже позаботившийся о коне Тома, вновь зашаркал к конюшне.

– Не хочу утруждать вас своими проводами. – Мистер Форбиден небрежно махнул хлыстом в сторону дверей в дом. – Мисс Лочестер, должно быть, проголодалась побольше нашего.

Обитатели Грейфилда, охотно послушавшись, поспешили распрощаться с тревожным гостем. Подав руку матушке, Том повёл её наверх, отец последовал за ними, – но я не двинулась с места.

– Что, мисс Лочестер? – лениво поинтересовался мистер Форбиден.

– Полагаю, это не ваш дом, чтобы вы распоряжались, когда и куда мне идти, – холодно заметила я, открыто глядя в его глаза.

– Безмерно рад вашей проницательности, – серьёзно отозвался мужчина. – Однако, полагаю, на этот вечер вашей матушке хватит переживаний по поводу вашего непокорства. Пускай этот милый молодой человек и отвёл грозу от вашей очаровательной головки, но я бы на вашем месте поторопился.

– Ребекка? – будто услышав, требовательно спросила моя почтенная родительница.

Я вздохнула. Взглянула на здоровенного вороного жеребца, которого Элиот не без труда выводил из-за угла.

Отвернулась, чтобы бросить через плечо:

– До свидания, мистер Форбиден.

– До свидания, мисс Лочестер. Скорого, надеюсь. – В его голосе мне послышалась усмешка. – И не забывайте, что вы моя должница.

Мысок моей туфли на миг завис в воздухе, но я не обернулась.

Глава вторая, в которой Ребекка видит кошмары во сне и наяву

Ужин проходил в молчании на женской половине стола и в оживлённом разговоре – на мужской.

– И как тебе новый сосед, Том? – в один момент осведомился отец.

– Он ужасен! – выпалила Бланш. – В нём есть что-то... зловещее.

– А его конь? Вы видели его коня? – включилась в разговор матушка. – Чудовище для чудовища!

– Бросьте, дамы! Мне лично мистер Форбиден показался очень интересным собеседником. Хотя и несколько эксцентричным, конечно.

– Но нечто недоброе в нём всё-таки есть, – высказался Том. – И его глаза...

– Да-да! А ведь глаза – зеркало души, – не преминула вставить матушка.

– В таком случае я – образец серой бесхарактерной личности, зато в тихих омутах Бланш обязаны водиться келпи⁴, – сказала я вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь. – Но, видимо, им до того нравится купаться, что за все эти годы они так ни разу и не вынырнули.

Том рассмеялся, отец хмыкнул, Бланш лишь хлопнула ресницами, но взгляд матери окатил меня ледяной волной. Впрочем, тут отец завёл разговор о возможной дальнейшей судьбе леди Хепберн, матушка охотно в него включилась, и посему буря снова обошла меня стороной.

Когда перешли в гостиную пить чай, Том, решительно поглядев в глаза матушки, внезапно попросил её выйти «куда-нибудь в уединение». Та тут же поднялась с кресла – с притворным удивлением на лице, – чтобы молча повести дорогого гостя в библиотеку. Стоило им скрыться за закрытыми дверями, как в гостиной повисла тишина; отец с излишней беззаботностью набивал трубку, Бланш с лучезарной улыбкой смаковала свой чай.

– Можете не изображать неведение, – устало произнесла я, тщетно пытаясь вернуть упавшее сердце на его законное место в груди. – Всё равно актёры из вас, честно говоря, никчёмные.

Отец виновато закашлялся.

Конечно, Том не просил у матери моей руки. Он уже испросил разрешения у отца, и другое ему было не нужно. Должно быть, сейчас он лишь желал получить совет, как лучше обставить своё предложение: дожждаться лорда Чейнза или высказаться сейчас; сделать это при всех – или же ему позволят остаться со мной наедине.

Зная матушку, я не сомневалась, что именно ему посоветуют.

Двери отворились, и отлучившиеся вернулись к нам: вначале мать, промокавшая сухие глаза кружевным платком, а за ней Том, направившийся прямо к моему креслу. На его бледных щеках пылал румянец волнения.

Когда друг опустился на одно колено, обратив сияющий взор на моё лицо, я лишь отчаянно взглянула на него сверху вниз.

– Ребекка, я не хочу утомлять тебя множеством красивых слов. Скажу лишь то, о чём ты могла догадаться уже давно: я люблю тебя. Больше солнца, больше неба, больше жизни своей. Отныне в твоих руках сделать меня счастливейшим человеком на этой земле... или осудить на гибель. – Том взял мою руку в свою. – Я прошу тебя стать моей женой.

Я сидела, глядя в его зелёные глаза. Давно, до боли давно знакомые, известные мне до едва заметных светлых точек вокруг зрачка.

Капкан захлопнулся. Удавка захлестнулась. А мне не остаётся ничего, кроме как затянуть её собственной рукой.

⁴ В шотландской мифологии – водяные духи, обитающие в реках и озёрах, по большей части враждебные людям.

О да, матушка прекрасно знала, что посоветовать. Если наедине с Томом я ещё могла набраться смелости и попросить время на раздумье – здесь и сейчас, под выжидающими взглядами всех, кто иначе не даст мне жизни, я не чувствовала в себе этой смелости.

Я глубоко вдохнула:

– Том...

Требовательный стук дверного молотка заставил меня вздрогнуть.

– Это ещё кто? – почти рявкнула мать.

Не задумываясь о том, что делаю, желая хоть на время ослабить петлю, стягивающую мою шею, я встала, бесцеремонно вырвав свою руку из пальцев Тома, и почти выбежала из комнаты.

– Фоморское⁵ отродье! – ругался знакомый голос, отвечая Нэнси, нашей горничной. – Отродясь со мной такого не случалось...

Я изумлённо застыла посреди холла.

– Мистер Форбиден?..

«Корсар» немедленно вскинул голову, обратив на меня разноцветный взор.

– А, мисс Лочестер! Видимо, боги услышали моё пожелание нашего скорого свидания, – усмехнулся он. – Фоморы знают что такое! Не успел я проехать и мили, как мой конь вдруг взбеленился, встал на дыбы и завалился на бок. Когда же он вскочил, то немедленно понёсся по направлению к Хепберн-парку, не дожидаясь, пока я изволю занять своё место в седле. Все мои крики, обращённые к этому неразумному животному, разве что вспугнули мышей в полях. Другой такой чудной ночью я с удовольствием прогулялся бы пешком, но, боюсь, при падении вывихнул ногу. А поскольку до вашего поместья мне куда ближе, чем до собственного... я решил, что не слишком обременю вас просьбой выделить мне угол, где моя нога сможет пробыть в покое до утра.

– О чём разговор! – всплеснул руками подоспевший отец. – Нэнси, приготовь комнату мистеру Форбидену! И передай, чтобы его ногу осмотрели.

– Да, сэр. – Девушка подобрала юбку. – Прошу следовать за мной, сэр.

– Прошу прощения за то, что целый вечер докучаю вашему дому своим присутствием.

– Ничего страшного, – заверил его отец. – Мы ведь соседи.

Мистер Форбиден кивнул и, подволакивая левую ногу, направился за горничной.

Я не замедлила последовать за ними.

– Ребекка, куда ты? – воскликнули за моей спиной.

Я понимала, что матушка очень старалась скрыть удивлённую ярость в голосе, но ей это не особо удалось. И меня это не остановило.

– Ужасно болит голова, – как можно убедительнее простонала я. – Простите, мне нужно лечь. Спокойной ночи, матушка, отец, Том...

– Прекрасных снов, Ребекка, – неуверенно ответил мой друг.

Не оборачиваясь, я поднималась по лестнице, зная, что за моей спиной происходит оживлённое, полное изумления переглядывание моего семейства с пока ещё несостоявшимся женихом.

В конце концов, Чейнзы должны были приехать только завтра. И я имею полное право провести эту ночь свободным человеком. Хотя бы эту последнюю ночь.

Пусть даже на волосок от брака.

⁵ Мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса.

Тупик. Откуда, почему, почему сейчас?!

Я долго бежала в ночи, пытаюсь скрыться от своего преследователя в зелёном лабиринте, но тщетно. Волк гнался за мной по пятам и сейчас, когда я обернулась, уже ждал.

Он был близко. Слишком близко. До этой ночи я считала выражение «горящие глаза» просто фигурой речи, но его глаза, слишком умные для обычного зверя, горели хищным огнём.

Я пятилась, пока не упёрлась спиной в стену, – и тогда волк, торжествующе оскалившись, кинулся вперёд.

Последним, что я увидела, были сияющие разноцветные глаза...

Я села в кровати, задыхаясь, дрожа от липкого холода, ползущего по спине. Вокруг расстилалась тьма моей комнаты, сквозь открытое окно доносился далёкий волчий вой.

Сон. Это был только сон.

Какое-то время я ещё прислушивалась к звукам ночи. Затем откинулась на подушку, чтобы почти сразу заснуть.

Второе моё пробуждение вышло немногим приятнее первого. Я открыла глаза от дикого вопля, прорезавшего утренний воздух. Вскочив и выглянув в окно, увидела подле крольчатника кричащую Нэнси: девушка явно была на грани обморока.

Я не мешкала, одеваясь и спускаясь вниз, но когда подошла к крольчатнику, другие домоладцы уже толпились вокруг. Нэнси, должно быть, увели; я увидела Бланш, обмякшую на руках у отца, бледное лицо Тома и зеленоватое – матери, однако слишком поздно услышала предостерегающие крики, чтобы не успеть обратить взор на распахнутую прутчатую дверцу.

Дверцу, за которой...

Зрелище заставило меня отшатнуться, судорожно дыша, чтобы справиться с внезапно подступившей тошнотой.

– О боги, – невольно вырвалось у меня. – Разодраны в клочья...

– Кто это сделал? – прошептал Том.

Белизна его щёк спорила с молочным цветом моего платья. Неожиданно: никогда раньше не замечала в друге подобной слабости.

– Волк, – мрачно отозвался отец. – Нэнси говорит, она вставала ночью и слышала вой. Где-то рядом.

– Я тоже, – припомнив своё ночное пробуждение, сказала я.

– Бедная Бланш, – всхлипнула матушка, – она так любила играть с пушистиком...

Однако ни слезинки не роняла, когда их отправляли на кухню, подумала я – и, поражённая неожиданной мыслью, вскинула голову:

– Но как волк открыл дверцу крольчатника?..

– Наверное, её забыли запереть, – предположил отец. Оглядев собравшихся, нахмурился: – Мистер Форбиден ещё спит?

– Он ушёл с рассветом, – подал голос Элиот. – Просил передать, что его ноге гораздо лучше, Нэнси ему компрессы какие-то сделала... Благодарил за гостеприимство. Обещал пожаловать на ужин, но не обещал, что сегодня.

Морщинка меж бровей отца разгладилась.

– Что ж, – молвил он, – хозяин Хепберн-парка будет в нашем доме желанным гостем.

Я вспомнила свой сон, и мурашки пробежались по моей коже – на тёплом майском ветру.

Глава третья, в которой повествуется о поцелуе и других непристойностях

К обеду начали прибывать гости. К счастью, к тому времени последствия волчьего визита уже успели устранить. Я терпеливо взидала с крыльца, как Джон Лестер рассыпается в любезностях перед Бланш, пока его сестра восторженно щебечет какую-то милую чепуху; как расцеловывается с миссис Лестер матушка; как главы семейств сердечно жмут друг другу руки. Завтра Бланш исполнялось семнадцать, свадьба намечалась через месяц, и все ощущали себя одной большой семьёй.

Когда моё обязательство встречать гостей себя исчерпало, я с облегчением удалилась на задворки сада с книгой. Рэйчел, единственная моя подруга, оставшаяся в Ландэне, прислала мне эту книжную новинку с самыми восторженными рекомендациями, так что роман определённо заслуживал внимания. Впрочем, я долго сидела на скамье, бессильно скользя глазами по первой строке, пытаюсь понять её смысл; мысли мои были далеко.

Новый сосед. Странный сон. Кролики... Хотя наверняка этот сон – простая случайность, навеянная знакомством с мистером Форбиденем и волчьим воем. Что же до дверцы крольчатника, её действительно забыли запереть, а кролики оказались настолько глупы, что даже не попытались сбежать. Всё просто.

Успокоив себя таким образом, я утопила неясную тревогу в глубинах души и наконец погрузилась в чтение. Впрочем, почитать мне так и не дали: я ещё не закончила первую главу, когда на страницы легла чья-то тень.

– Как твоё самочувствие, Ребекка?

– Более или менее. – Я подняла взгляд, силясь скрыть досаду. – Как ты, Том?

– Прекрасно. Ещё более – с тех пор, как тебя увидел.

– Том, от твоего высокопарного слога у меня скоро начнётся чесотка.

– Это лишь жалкая попытка выразить мои чувства.

– Мне были куда больше по вкусу чувства мальчишки, с которым мы бегали наперегонки и прыгали в речку с ив.

Том не ответил: как всегда, стоило мне заговорить о былом.

– Что читаешь? – спросил он вместо этого.

Я молча повернула книгу обложкой вверх.

– Каррер Белл? Никогда не слышал о таком авторе.

– Это его первая книга. Надеюсь, будут и последующие.

– Книга так хороша?

– Если ты какое-то время не будешь меня отвлекать, я смогу об этом посудить.

Когда его глаза потемнели, я пожалела о своей резкости.

– Том. – Я поднялась со скамьи, стараясь смягчить свой голос. – Я хотела сказать...

В следующий миг у меня перехватило дыхание, по той причине, что руки его обвили мою талию и эти стальные объятия выбили весь воздух из моей груди.

– Ребекка, ты действительно так жестока? – Глаза Тома оказались так близко, что я могла пересчитать ресницы. – Почему ты пренебрегаешь моими чувствами?

– Том...

– Ты не видишь, как я схожу с ума? Ловлю каждый твой взгляд, слово, улыбку? Как живу и дышу ради тебя? Да, я знаю, что для тебя я остаюсь мальчишкой, с которым можно на пару читать страшные сказки, но я надеялся, что ты повзрослеешь... поймёшь...

Я не узнавала его. Это был не тот милый мальчик, с которым мы вместе играли в детстве, но кто-то, кого я не знала: чужой, страстный, серьёзный, взрослый – только не Том. Его хватка чуть не ломала кости, но пальцы его дрожали. Чужие руки обжигали даже сквозь шёлк платья, горячее дыхание лихорадило мои щёки, и эти глаза... Я вдруг поняла, что заставило их потемнеть.

Расширившийся зрачок, сделавший их чёрными.

– Том, я...

А потом я лишилась возможности сказать хоть слово, потому что его губы – жадные, жёсткие, яростные – прижались к моим губам.

Поцелуй был почти укусом. Яд странного оцепенения пробежался от губ по телу, заставляя забыть о необходимости дышать, моргать, сопротивляться.

Затем я обеими руками толкнула юношу, бывшего моим другом, в грудь, вывернувшись из огненных тисков и, отступив на шаг, наотмашь хлестнула его по щеке.

– Да как... – слова застревали в горле, – как ты... смеешь...

Он не попытался снова схватить меня. Не тронул место удара, проступавшее на коже красной отметиной. Просто стоял, опустив руки, молча вглядываясь в моё лицо: со странным отчаянием в чёрной бездне, которой обратились его глаза.

И тогда, задыхаясь, я подобрала юбку и побежала, каждым шагом вторя бешеному ритму молоточков в моих висках.

Я остановилась лишь где-то в полях. Прижала ладони к щекам; пальцы мои показались мне ледяными. Сердце колотилось, мысли путались, всё перед глазами плыло в странной дымке. Потом решила оглянуться.

Меня никто не преследовал.

Том. Том, мой добрый друг, который никогда меня не предаст, никогда не сделает мне больно... так думала маленькая наивная я. Что ж, этот поцелуй – первый мой поцелуй, украденный, вырванный силой, – сказал мне куда больше, чем могли сообщить любые слова.

Я отняла ладони, уставившись на мокрые пальцы. Яростно растёрла слёзы по щекам. Я плачу? Отчего? Потому что друг – самый старый, самый верный друг – ради сиюминутной прихоти запросто наплевал на мои желания и нашу дружбу?..

Фоморы бы тебя побрали, Томас Чейнз!

– Фоморы бы побрали тебя, – прокричала я вслух, с ненавистью глядя в небо, срываясь на какой-то птичий крик, – и отца твоего, и твоё предложение!

– Полагаю, – знакомый скучающий голос неожиданно раздался прямо за моей спиной, – на сей раз волнение вашей матушки будет сполна искуплено тем, что подобное высказывание в её присутствии точно обеспечило бы ей удар.

Я отпрянула ещё прежде, чем обернулась.

– Мистер Форбиден?! – сорвалось с губ, когда перед глазами ожидаемо предстал новый сосед.

– Меня так трудно узнать?

Он сидел на коне, держась в седле с такой уверенной аристократической выправкой, какой я не видела даже у отца.

– У вас привычка подкрадываться со спины и подслушивать? – сердито осведомилась я.

– Не более чем у вас – сбегать из дому. – Разноцветные глаза смотрели на меня сверху вниз. Прямо, очень внимательно, вызывая смутное желание отвести взгляд; но я не поддалась этому желанию, как не поддаюсь порыву отойти ещё дальше от вороного жеребца, рывшего землю копытом. – Я два раза окликнул вас, но вытянуть вас из мысленного омута не было никакой возможности.

Я ощутила запоздалое смущение. Что я себе позволяю, в конце концов?

– Я... просто...

– Вы дрожите, мисс Лочестер. Думаю, сейчас вам не помешали бы покой, уют и горячий чай. – «Корсар», не моргая, склонил голову набок. – Но поскольку, как я могу предположить, стремления попасть домой у вас нет, осмелюсь пригласить вас в своё скромное жилище.

– Вы... меня... к себе?

– Почему бы и нет? В конце концов, если помните, за вами долг, а пара часов приятного общения с вами способна если не погасить его, то поспособствовать его уменьшению.

Я теребила складки юбки, пытаюсь рассуждать здраво, насколько мне позволяла лихорадочная путаница в моём сознании, пытавшемся представить всё происходящее нереально реалистичным сном.

С одной стороны, это было верхом неприличия – отправляться одной в дом к незнакомому, в общем-то, мужчине, да к тому же без ведома родителей. Если кто прознает об этом, моей репутации конец. С другой – меньше всего на свете мне сейчас хотелось возвращаться домой, а провести ближайшее время, бродя по полям беспокойным призраком, было не слишком прельщающей перспективой.

С третьей – после того, от чего я сейчас бежала, думать о репутации и приличии...

Меня вдруг взяла злость на весь мир. Если я приму предложение Тома, ему – и мне – сойдут с рук куда худшие вещи, чем поцелуй до свадьбы, и никого не будет волновать, что жених поцеловал будущую невесту против её воли; но простой разговор с женщиной, который годится мне в отцы, навеки поставит на меня клеймо распутницы. Почему? Почему я всю жизнь должна играть по дурацким правилам тех, для кого я – не личность, а лишь ходячая утроба для чьих-то будущих детей, почему каждую минуту должна думать о мнении и желаниях людей, для которых мои собственные желания – пустой звук?

– Грядёт буря. – Будто услышав мои мысли, мистер Форбиден протянул мне руку в чёрной перчатке. – Я на вашем месте не колебался бы.

Его голос оплетал душу змеим-искусителем. Или всему виной разноцветный взгляд?.. Я уже не думала: просто приняла предложенную помощь и вспрыгнула на коня позади него.

В конце концов, может, я действительно просто сплю...

Глава четвёртая, в которой происходит разумное чаепитие

Хепберн-парк располагался сразу за лесом. Даже не столько за лесом, сколько на его краю. Я всегда считала старинный мрачный особняк, окружённый темнокорыми елями, подходящей декорацией для историй с привидениями; не слишком высокий, почти чёрного камня, он странным образом давил на гостей, вызывая у них желание скорее войти внутрь или уехать восвояси.

Надо сказать, нынешний владелец подходил Хепберн-парку куда больше, чем покинувшая его леди Хепберн. Добродушные морщинистые старушки не особо вписываются в страшные истории.

Нас встретил вначале мальчик-конюший, а затем чопорный лакей, проводивший меня в гостиную и усадивший перед очагом. Каменные стены особняка источали холод; я с наслаждением протянула руки к огню, дожидаясь хозяина дома, который отправился переодеваться. Его слова насчёт бури оказались правдивыми: стоило нам войти в дом, как в окна требовательно застучал ливень.

Мистер Форбиден вернулся ко мне одновременно с лакеем, несшим поднос с чаем. Одно его чёрное одеяние сменилось другим. Странная любовь к краскам ночи и траура...

– И плед, будь добр, Уильям. Мисс Лочестер продрогла, как вижу.

– Не надо.

Как бы ни были холодны стены Хепберн-парка, я понимала, что дрожу не от холода.

– Как пожелаете. – Усевшись в кресло напротив, мистер Форбиден наблюдал, как я помещаю сахар в фарфоровой чашке; насколько я могла судить, это был очень хороший фарфор. – Итак, мисс Лочестер... полагаю, лорд Томас всё же чем-то вас обидел? Как обманчива внешность, однако.

– С чего вы взяли? – вновь обретя дар речи, спросила я.

– Как я догадался? – безжалостно поправил мой собеседник. – Не заметить, как он на вас смотрит, мог лишь полный слепец, а я таковым не являюсь. Учитывая, что в поле вы выкрикивали проклятия в адрес некоего человека, который сделал вам предложение, свести концы с концами нетрудно.

Я молча поднесла чашку к губам.

– Чем же вас не устраивает лорд Томас Чейнз, мисс Лочестер?

Я молча сделала глоток.

– Мисс Лочестер, вы можете промолчать, и ваша душевная рана затянется сама собой. Но если дать ей затянуться, не приняв противовоспалительных мер, возникнет безобразный и болезненный нарыв, который со временем вскроется. И, поверьте, время это будет самым неподходящим.

Я молча звякнула чашкой о блюдечко.

– Том – достойнейший юноша из всех, что я знаю. – Слова сорвались с губ, казалось, против воли. – Он красив, он умен, он добр, благороден и учтив...

– Но. Далее определённо должно следовать какое-то «но».

Я опустила взгляд, рассматривая искусно вытканые цветы на пёстром ковре.

– Мы дружны с ним с детства. – Говорить было легко: точно разговариваешь с кем-то, знакомым давным-давно. – Чейнзы всегда бо́льшую часть года проводили не в Ландэне, а здесь, в Энигмейле...

– Их поместье?

– Да. Тому было скучно там одному, и он часто отлучался в Грейфилд, к ближайшим соседям. К нам. С высочайшего позволения отца, конечно. – Я сделала ещё глоток. – Он всегда относился ко мне очень бережно. Поэтому я не сразу поняла, когда... когда...

– Когда из друга обратились для него в возлюбленную? – Мистер Форбиден склонил голову к плечу, разглядывая меня, словно диковинного зверька. – Но чем же всё-таки вас не устраивает лорд Томас, мисс Лочестер?

– Это, знаете ли, слишком личный вопрос.

Он пожал плечами:

– Как знаете. Скажу только, что вам не пристало особо воротить нос. Сын самого графа Кэрноу – блестящая партия для девушки из рода вроде вашего, не блещущего ни древностью, ни богатством. А для девушки, от которой предпочтёт держаться подальше любой приличный молодой человек, тем более.

– Я чем-то вас оскорбила, что вы решили сделать оскорбление взаимным?

– Это не оскорбление, мисс Лочестер, а констатация факта. Невеста должна быть мила, скромна, послушна, ничего не знать и ничего не желать от этой жизни. Смелость, дерзость, желание расправить крылья... всё это не в чести. Готов поспорить, все званые вечера вашей матушки вы просиживали взаперти в своей комнате, потому что стоило вам попасть в общество, как вы начинали говорить; но приличной девушке дозволено говорить лишь тогда, когда к ней обращаются, и не более чем нужно, чтобы выразить благодарность за то, что на неё обратили внимание. А между тем окружающие так напыщенны, так глупы, и так хочется внести в их пустую болтовню хоть что-то настоящее... *Omnium rerum quarum usus est, potest esse abusus, virtute solo excepta*. Знаете, что это значит?

– «Может быть злоупотребление всеми вещами, которые употребляются, за исключением одной только добродетели».

– О, так вы ещё и образованны? Тем хуже для вас. Какие языки вы знаете?

– Я свободно говорю на фрэнчском и знаю латынь.

– А! Тогда для вас ещё не всё потеряно. Два языка – в пределах нормы. Вот когда девушка знает три-четыре, как в Русианской империи... для наших соотечественников это уже слишком.

– *Autant de langues qu'un homme sait parler, autant de fois est-il homme*⁶; но наша гувернантка просто не могла научить нас большему.

– Скажу вам, мисс Лочестер, что я обычно сам был своим учителем. И, должен признать, всегда оказывался своим любимым учеником.

Я прищурилась:

– Мистер Форбиден, осмелюсь предположить, что гордыня – главный ваш грех.

– Ошибаетесь, мисс Лочестер. Если говорить о грехах, то я в одинаково добрых отношениях со всеми семьёй. – Он улыбнулся моей оторопи. – Кстати, это возвращает нас к добродетели и к тому, что в наших гостиных даже из неё умудрились сделать доходный товар. И вы, не считайте за оскорбление, по меркам почтенных матронов не слишком-то дорого стоите.

– И вы не считаете это оскорблением?

Почему-то я не была сердита. Забавно, но наш разговор странным образом меня... веселил?

– Констатацией факта, повторяю. К примеру, сейчас вы в комнате наедине с посторонним мужчиной. Более того, почти незнакомым посторонним мужчиной. Не боитесь, что я посягну на вашу честь? Ведь мы, мужчины, только об этом и думаем, завидев молоденькую девушку... если верить почтенным матронам.

– Нет, не боюсь.

⁶ Кто знает много языков, тот живёт жизнью многих людей (*фр.*).

– Только за это любая добропорядочная девица будет иметь полное право презрительно от вас отвернуться.

– Возможно, я подтверждаю ваше невысокое мнение о моей персоне, но мне будет абсолютно всё равно.

Я действительно не боялась. Возможно, напрасно.

Особенно если вспомнить события сегодняшнего утра.

– Вы подтвердите моё мнение, но отнюдь не невысокое. – Он сидел, с королевским достоинством откинувшись на спинку кресла, соединив кончики длинных пальцев. – Мисс Лочестер, я не знаю, что плохого сделал вам Томас Чейнз, но я могу сказать одно: вы рождены не для него, а он – не для вас. Вы – дикая птица, загнанная в клетку условностей. Он обматывает вашу клетку нерушимой цепью бесконечных аристократических обязанностей.

– Кто вы такой, чтобы об этом судить?

– Человек, который достаточно пожил на этом свете. И повидал больше, чем ваши достойные родители, вместе взятые. – Он улыбнулся: не порочной, а вполне приветливой, лишь хитрой немного улыбкой. – Вы противоречите мне, хотя я высказываю ваши же мысли, которых вы страшитесь. Не думаю, что лорд Томас когда-нибудь сможет постичь хотя бы тень этих мыслей.

Я помолчала, глядя в окно, плачущее под ударами тяжёлых капель.

– Забавно, – вдруг произнесли мои губы, – я никогда в жизни ни с кем не разговаривала так... просто. А с вами... человеком, едва мне знакомым...

– Существует родство душ, мисс Лочестер. В том, что вы – моя духовная родственница, я убедился, едва вас увидел. Растрёпанная, с пылающими щеками и серым штормом в глазах – до чего же вы были хороши, фомор побери! Особенно после двух часов, проведённых в стерильном обществе вашей пустоголовой сестрицы и матушки, похожей на сушёную рыбину.

– Я не давала вам никакого права оскорблять мою семью.

– Ваше право, мисс Лочестер, мне совершенно ни к чему. Впрочем, прошу прощения. – Мистер Форбиден поглядел в окно. – Мне кажется или вам немного полегчало?

– Немного, – поколебавшись, согласилась я.

– Тогда, пожалуй, я велю подать экипаж. Ливень не думает утихать, а дома вас скоро хватятся. Не имею ни малейшего желания способствовать тому, чтобы вас посадили под замок.

– А вам какой интерес?

Поднявшись на ноги, он подал мне руку.

– Надеюсь ещё не единожды разбавить своё одиночество приятной беседой с моей очаровательной родственницей.

Я вложила свои пальцы в его ладонь почти без промедления.

Пока мистер Форбиден отдавал распоряжения, я стояла под зонтом, который мне любезно одолжили, и с любопытством оглядывала окрестности. Окутанный ливневой дымкой мир казался нереальным. Может, я всё-таки сплю?..

Край глаза уловил движение у угла дома. В льющемся из окон свете блеснули два золотых пятна. Я сощурилась – и страх прокатился по телу волной ледяного оцепенения.

Белый? Посреди дня? Здесь?..

– Волк!

Крик вырвался одновременно с тем, как белая тень рванулась вперёд. Я отшатнулась, понимая, что не успеваю, решительно не успеваю...

Но тень пронеслась мимо.

– А, вот и ты, разбойник! Ты напугал нашу гостью!

Я не сразу поверила своим глазам, когда увидела, как мистер Форбиден почёсывает мокрую шерсть за острым ухом зверя, севшего у его ног.

– Знакомься, Лорд. Мисс Ребекка Лочестер, – глядя волку в глаза, с самым серьёзным видом продолжил хозяин Хепберн-парка. – Мисс Лочестер, это Лорд.

– Это... волк? – зачем-то беспомощно уточнила я.

– Я умею находить со зверьём общий язык. – Мистер Форбиден поднял голову и улыбнулся: – Лорд – мой старый приятель.

Волк обернулся, взглянув на меня умными бледно-жёлтыми глазами. Чрезвычайно умными.

Возможно, то была лишь игра света и дождливой мороси, однако в глазах зверя и в глазах его хозяина мне почудилось некое странное, невероятное сходство.

– Когда-нибудь и вы поладите, я уверен, – добавил хозяин Хепберн-парка под дробь приближающегося перестука копыт. – А, вот и ваш экипаж. Думаю, вы не сильно оскорбитесь, если я не стану вас провожать: я и без того достаточно докучал вам сегодня своим обществом. Матушке расскажете, что я наткнулся на вас в полях и любезно предоставил вам свой экипаж, предпочтя пешую прогулку до дома. А чтобы легенда выглядела правдоподобней, отдайте мне зонт. Вам не мешает немножко промокнуть.

Я подчинилась, и ливень не замедлил забарабанить по макушке. Искоса поглядела на Лорда.

Волк сидел спокойно, точно комнатная собака.

– Не держите зла за всё, чем обидел. – Видимо, удовлетворившись влажностью моей одежды и волос, мистер Форбиден услужливо распахнул передо мной дверцу кареты. – Я, в сущности, неплохой человек... если со мной не общаться.

Я засмеялась почти невольно.

– Спасибо, мистер Форбиден, – произнесла я искренне. – Вы мне... помогли.

– Всегда рад. – Он поклонился. – Всего доброго, мисс Лочестер.

Я смотрела в окно, пока Хепберн-парк не скрылся из виду. Затем задёрнула шторку и отвернулась, уставившись в темноту перед собой.

Общество нового соседа вызывало у меня ни с чем не сравнимое чувство: словно тебя одновременно терзают жар и холод. Было в этом человеке что-то... притягательное. Хищность его взгляда, порочность его улыбки – всё это странным образом привлекало. Так детей привлекают страшные сказки, даже если они знают, что заплатят за это бессонной ночью.

Наверное, так пламя привлекает мотыльков.

Странно, но никто и никогда не был для меня столь приятным собеседником, даже Рэйчел, моя добрая подруга. Возможно, один лишь Том... до недавнего времени. Я ни с кем не могла говорить о том, что поведала новому соседу. Мать велела бы мне выйти вон, не удосужившись дослушать; Бланш лишь похлопала бы ресницами, не замедлив после наябедничать кому только можно. Отец выслушал меня как-то раз, но ответом мне были грустная улыбка и слова, которых я, в принципе, ожидала.

«Ребекка, вы с Томом – давние друзья, а это уже немало. Мы с твоей матерью были лишены и этого. Однако я ни разу... да, ни разу... не пожалел о нашем браке. – Я и сейчас помнила ласковое прикосновение к волосам, которым меня тогда наградили. – Чувство приложится со временем, вот увидишь».

Да, какое-то чувство определённо приложится. Дружба, которая станет нежнее, чем прежде. Уважение.

Но не то, о котором писали в моих любимых книгах.

Что делать, если я чувствую, каким-то шестым чувством чувствую, что не должна сейчас всовывать голову в брачную петлю? Что делать, если душа порой замирает в предчувствии чего-то неведомого, а вересковый ветер нашёптывает: «Что-то случится, вот сейчас, совсем скоро, подожди ещё немного, ещё чуть-чуть...»

Правда, теперь мне казалось, что я знаю ответ на этот вопрос.

Глава пятая, в которой мы узнаём, что цепи дружбы сковывают не слабее прочих цепей

Когда я вышла у родного крыльца, дождь уже кончился. На террасе нервно прохаживался отец; заведя меня, он всплеснул руками и поспешил навстречу.

– Несносная девчонка! И что с тобой эти дни творится? С чего ты опять убежала? Мы уже отправили слуг тебя искать! – Сердитому тону немного не соответствовали объятия, в которые меня не замедлили заключить. – Но ты не слишком промокла, как я погляжу! Чей это экипаж?

Значит, Том никому ничего не сказал...

– Мистера Форбидена. – Я кивнула кучеру, который, откланявшись, вновь вскочил на облучок и щёлкнул кнутом, понукая коней. – Он встретил меня... в полях. Любезно одолжил экипаж.

– А где же он сам?

– Решил вернуться домой. Пешком.

– В ближайшее же время навещу его, дабы выразить благодарность, – сердечно изрёк отец.

– И, возможно, я составлю вам компанию, мистер Лочестер, – негромко произнёс кто-то за моей спиной. – Признаться, слухи и домыслы касательно личности нашего нового соседа изрядно меня заинтриговали.

Склонив голову, я обернулась – и присела в реверансе:

– Милорд...

Отец Тома, как всегда, без улыбки глядел на меня.

Поджарый и статный, с бледным, гладко выбритым лицом, с тёмными, без блеска, глазами – лорд Чейнз всегда чем-то меня пугал. Отчасти ещё и потому, что был магом. Однажды он даже колдовал при мне; я до сих пор помню, как сквозь белый шёлк его рубашки пробивалось алое свечение магической печати, украшавшей его руку сияющим клеймом, проявлявшейся, когда её владелец использовал свой дар.

– Добрый день, Ребекка, – промолвил лорд Чейнз бесстрастно. – А вы похорошели.

– Благодарю, милорд, но вы льстите мне.

Матушка была бы мной довольна. В кои-то веки я не поднимала глаз, что могло бы сойти за смущение.

Впрочем, довольство её было бы весьма непродолжительным.

– Мистер Лочестер, вы не будете против, если я немного пройду по саду в сопровождении вашей дочери?

Отец удивлённо вскинул голову – одновременно со мной.

– Сейчас?..

– Боюсь, стоит вашей супруге её увидеть, и нам будет не до этого.

Страдальчески ущипнув себя за бакенбарды, отец кивнул.

– Мисс Лочестер, не откажетесь составить мне компанию?

Всё-таки удосужился спросить. Надо же.

Я кивнула, первой направившись к яблонево́й аллее.

– Том рассказал мне всё, – заговорил граф, когда мы отошли достаточно далеко. – Как о вчерашнем вечере, так и о сегодняшнем утре.

Я молчала, каждым шагом вминая в гравий ещё одну снежинку мокрых яблоневых лепестков, следя за отблесками света на рукояти его трости.

– Я насилу удержал его от того, чтобы поведать об этом... инциденте всем вокруг. Окружающим ни к чему об этом знать. Мой сын глубоко раскаивается в случившемся, и я не смог бы покарать его больше, чем он карает себя. Однако я знаю, мисс Лочестер, что вы – человек с железной волей. Такие люди не склонны легко прощать... и легко ломаться под давлением обстоятельств. Я знаю, вы способны отвергнуть предложение моего сына, невзирая на то, что за это вашу жизнь обратят в преисподнюю. Более того, я знаю, что в крайнем случае вы вполне способны порвать с этой жизнью и пуститься в вольное плавание... но к чему такие жертвы?

– Я понимаю, куда вы клоните, милорд, однако...

– Ребекка, подумайте, что мой сын... что мы предлагаем вам. Богатство. Уважение. Безбедную жизнь. Такую любовь, которую вам вряд ли сможет дать кто-либо ещё. Разве это так плохо?

*Bouche de miel, coeur de fiel*⁷, – подумала я.

– Диких птиц не утешит то, что их клетки сделаны из золота.

– Понимаю, – вздохнул граф, вроде бы действительно вполне понимающе. – Ну что ж, давайте рассмотрим следующий вариант. Вы отвергаете предложение Тома, надеясь на мифический брак по любви. Однако вероятность того, что вам посчастливится встретить человека, которого полюбите вы и который полюбит вас, ничтожно мала, равно как и вероятность того, что ничто не помешает вам сочетаться законным браком. Зато вам будет обеспечено кое-что другое: презрение со стороны всех членов вашей семьи... да-да, всех. Поубавьте скептицизма во взгляде: ваш отец надеется на этот брак не менее вашей уважаемой матушки.

Спохватившись, я снова опустила глаза.

– Да, презрение, – явно смакуя это слово, повторил граф, – и, возможно, разрыв родственных связей. А также муки совести, которая до конца ваших дней будет неустанно напоминать вам о том, как вы одним неосторожным словом убили своего друга.

Не понимая, о чём он, я недоумённо повторила:

– Убили?..

– Молодые люди нынче так категоричны. – Граф пожал плечами: – Порой они предпочитают смерть жизни без любимой. О чём и пишут в своём дневнике, думая, что достаточно надёжно его спрятали... – Заметив, что я отстала, он обернулся: – Что с вами, мисс Лочестер? Вы будто побледнели.

Я кое-как разомкнула пересохшие вдруг губы:

– Том этого не сделает.

– Романтические истории оказали пагубное влияние на его сознание. Вы наверняка помните, какое впечатление произвёл на него образ Вертера⁸. Романтизм, повальное увлечение вашего времени... Вы, кажется, тоже его не избегли. Помнится, читали ему отрывки вслух...

– Том этого не сделает!

– Я бы на вашем месте хорошенько взвесил все за и против, Ребекка. На одной чаше весов – жизнь, о которой многим дано только мечтать. На другой – ничего, кроме боли и унижения. И ради чего? Ради призрачной... *свободы*. – Граф резко отвернулся, взметнув лапами сюртука; его тон ясно дал понять, сколь низко он оценивает последнее понятие. – В ваших руках возможность спасти две юные жизни – или погубить. Думаю, уже завтра Том повторит своё предложение, но сегодняшний день... Я дарю вам это время, мисс Лочестер, чтобы вы могли принять правильное решение.

Так и не найдя в себе сил двинуться с места, я молча смотрела в черноту его удаляющейся спины.

⁷ На языке мёд, а на сердце лёд (*фр.*).

⁸ «Страдания молодого Вертера» – роман Гёте, главный герой которого страдает от любви к замужней женщине, в результате чего кончает жизнь самоубийством.

И найденные в карете силы сказать «нет», казалось, удалялись вместе с ним.

Я смутно помню, как меня отчитывали за побег из дома; как я сидела в гостиной, слушая Джона, распевającego душещипательную арию под фортепианный аккомпанемент Бланш; как, снова сославшись на головную боль, шла в свою спальню.

Я отправилась в гостиную, надеясь поговорить с Томом, но его там не было. Лорд Чейнз объявил, что его сын дурно себя чувствует. Значит, разговор откладывался до завтра, и я слабо представляла себе, каким он будет. Не начинать же беседу с вопроса: «Том, это правда, что, если я отвергну твоё предложение, ты покончишь с собой?»

Глупость какая. И почему, рассказывая мне это, лорд Чейнз был так спокоен? Он никогда не проявлял сильных эмоций, но речь идёт о жизни его сына! Возможно, это просто шантаж...

А возможно, и нет.

Я почти не спала: мало того, что вихрь лихорадочных мыслей всю ночь заставлял меня ворочаться с боку на бок, так ещё и ночную тьму периодически с грохотом рассекали змеистые лезвия молний. Впрочем, в какой-то миг я всё-таки забылась сном.

Но из объятий Морфея меня вырвал крик отца:

– Ребекка, ты цела!

– Что? – Я рывком села в постели. – Отец, что случилось?

Не отвечая, он схватил дрожащими пальцами мою руку.

– Волк, – выдохнул он наконец. – И... Элиот.

– Элиот? Что с ним?!

– Мы нашли его во дворе. Дверь в холл была открыта. Видно, он зачем-то вышел из дому, и зверь...

– Он жив?

Отец не ответил – и я похолодела.

– Хорошо хоть ты цела, – тихо проговорил он.

– Но с чего мне должна была грозить опасность? Я же не выходила из дому!

Отец замаялся – а я вдруг увидела, что за порогом спальни толпятся домочадцы и даже некоторые гости, увлечённо разглядывающие дверь моей комнаты.

Поспешно накинув поверх ночной рубашки длинную шаль, я подошла ближе. Пригляделась к тому, на что устремлены были все взгляды.

И отчётливо различила на тёмном дереве следы клыков и когтей кого-то, кто очень хотел прорваться внутрь.

Глава шестая, в которой заключается договор

Я так и не увидела тела Элиота: его увезли из особняка прежде, чем меня выпустили из комнаты. Даже кровь отмыли до того, как я вышла во двор. Ничто не намекало на ночную трагедию; матушка считала, что смерть старого конюха – не то событие, из-за которого стоит портить грядущий праздник Бланш, не говоря уж о том, чтобы отменить его. Впрочем, за завтраком гости всё равно были несколько подавлены, а после завтрака отец следом за телом Элиота уехал в деревню, что расстилалась меж холмов близ Грейфилда: ни семьи, ни родных у покойного не было, и отец поехал отдать необходимые распоряжения и оплатить похороны на деревенском кладбище. Я же, в задумчивости кусая губы, поднялась в свою комнату.

Я любила старика Элиота. Я помнила его столько же, сколько помню себя. И всё, что я видела, наводило меня лишь на одну мысль.

Его не мог убить обычный волк. Обычный волк не мог открыть дверцу крольчатника. Обычный волк не стал бы после убийства заходить в особняк и бежать по лестнице, чтобы подняться к моей комнате.

Однако отец, конечно, не прислушался к моим догадкам.

«Ребекка, оборотней истребили уже давно. Они остались только в сказках, – ответил он печально; казалось, лишь он один, помимо меня, искренне грустил по бедному Элиоту. – И нечисть в наших краях тоже век как перевелась, хвала Инквизиции. Впрочем, может, это и был какой-нибудь бист вилах, забредший к нам из дальних краёв... я скажу об этом стражникам. Впрочем, они осмотрят тело и сами сделают вывод, что за тварь извела нашего верного старика».

Что ж, это и правда мог быть бист вилах. В детстве мы читали про них с Томом: о страшных чудовищах, похожих на громадных собак, издававших жуткие вопли, подобные вою волков. Когда-то бист вилахы охотились на людей долгими тёмными ночами, нападая на неосторожных путников, раздирая им животы и высасывая из них кровь. Если же им не удавалось найти добычу на улице, они принимали облик одноногого калеки и напрашивались на ночлег к добрым людям, чтобы устроить в их доме свой кровавый пир.

Но всё-таки...

Я открыла ящик стола, в котором хранила письма. Достала самое верхнее: последнее, которое получила от Рэйчел вместе с книгой мистера Белла. В нём подруга, помимо всего прочего, извещала о том, что она с радостью приняла приглашение на свадьбу Бланш и, конечно, приедет в Грейфилд. До её визита оставалось около двух недель, и это весьма радовало меня.

Однако сейчас меня интересовало не это.

Отложив несколько листов, я скользнула взглядом по ровным чернильным строчкам: у Рэйчел всегда был прекрасный почерк.

«...в газете я прочла, что в одном из пригородов Ландэна свирепствовали вампиры. Их было трое, и они успели убить многих бедных людей, прежде чем этих несчастных наконец упокоили навеки. Также Инквизиторы арестовали тёмного мага, который призвал в наш мир фомора, и, представь себе, убили бааван ши! А ведь считалось, что они покинули эти земли ещё три сотни лет назад! Как жаль, что тебя нет рядом, дабы обсудить всё всласть... Это так похоже на наши любимые истории, тем более удивительные, что случились наяву, а не в чьих-то фантазиях. Ах, дорогая Ребекка, как мне тебя не хватает! Ты единственная, кто в полной мере разделяет все мои вкусы и увлечения. Большая часть моих знакомых, услышав, что я люблю читать подобное, поглядит на меня с ужасом и...»

Дальше перечитывать я не стала, тихо вернув письмо обратно на место.

Я помнила легенды о бааван ши, мистических созданиях, которых некогда мог встретить любой. Себе на беду. Бааван ши были фейри – но, в отличие от многих своих сородичей, мирно живших бок о бок с людьми, злобными и кровожадными. Они перемещались по воздуху в облике чёрных ворон, однако мужчинам являлись под видом прекрасных златокудрых дев... чтобы, очаровав, выпить из них всю кровь, оставив лишь безжизненное тело, истерзанное и иссохшее.

Считалось, что бааван ши давно покинули земли смертных, навеки уйдя на Эмайн Аблах⁹, как и многие другие представители Дивного Народа. И, как видно, считалось напрасно.

Так, может, и оборотней напрасно считают истреблёнными?..

Я взяла недочитанную книгу мистера Белла, которую сегодня утром обнаружила лежащей на столике в холле. Вчера, убегая, я оставила её в саду и была весьма благодарна тому, кто вернул её в дом.

Я много читала об оборотнях. Воистину несчастные создания. В облике людей они могли быть добрейшими и безобиднейшими существами, однако, обрастая волчьей шкурой, не щадили никого. Перевоплощались оборотни помимо своей воли. Всегда – в полнолуние, иногда – простыми ночами, под воздействием каких-то сильных эмоций; но когда восходила полная луна, оборотни обречены были провести всё время от заката до рассвета на четырёх когтистых лапах. Очнувшись утром, человек не помнил, что творил в обличье зверя: обращаясь в волка, он фактически терял память. Впрочем, некие людские воспоминания и чувства у зверя всё-таки оставались... но оборотень легко мог растерзать любимую жену, ибо волка всегда мучила нестерпимая жажда крови, а страсть приравнивалась для него к голоду. Проклятие передавалось людям с укусом, и лекарства от него не было.

Мы с Томом читали леденящие кровь истории, в которых оборотни пытались жить бок о бок с простыми смертными и заводить семьи. В полнолуние родные заковывали их в цепи и запирали в комнате с прочными засовами, однако это не помогало: оборотни всё же не были простыми волками, и с течением лет ум их звериного обличья всё больше приближался к человеческому, а сверхъестественной силы становилось достаточно, чтобы они могли перекусить даже сталь. Кроме того, оборотень мог обратиться и обычной ночью, в приступе гнева, отчаяния или вожделения. Их волчий облик практически не поддавался обычному оружию и магическому воздействию, и никакие средства и никакие чары не способны были выявить оборотня в человеческой ипостаси. Всё это неизбежно приводило к трагедиям, а посему в конце концов Инквизиция объявила всех оборотней подлежащими истреблению, и вскоре они действительно перевелись.

Если верить тому, что мне говорили и говорят.

Я рассеянно открыла книгу, пытаюсь найти место, на котором остановилась вчера.

Если Элиота и правда убил оборотень, то кто он? Учитывая, что зверь пытался проваться в мою спальню... После вчерашнего впору было бы подумать, что это Том, особенно вспоминая его «плохое самочувствие» вечером и угрюмое молчание за завтраком. Если подумать ещё раз – эта мысль абсурдна: вряд ли его внезапное становление оборотнем осталось бы для меня незамеченным. К тому же Тома я знаю почти всю жизнь, а вот загадочные убийства начались только сейчас.

Куда вероятнее то, что в смерти Элиота виновен кто-то другой. Кто-то, кто появился в наших краях совсем недавно. Кто-то, кто ночевал в Грейфилде той ночью, когда погибли наши кролики, и явно очень заинтересовался мной.

Кто-то, кто удивительным образом ладит с волками.

Наконец обнаружив нужную страницу, я осторожно разгладила её рукой, расправляя книгу, норовившую закрыться.

⁹ Кельтское название Авалона.

Мистер Гэбриэл Форбиден. Таинственный сосед, контрабандист и хозяин ручного волка. Мой духовный родственник. Человек, который понимает меня, как никто и никогда не понимал; человек, о котором со дня нашего знакомства я думаю и вспоминаю непозволительно часто.

Кто же он на самом деле? Я не знала, но вдруг поняла, что очень хочу узнать.

Поскольку эта мысль не могла привести ни к чему хорошему, я углубилась в чтение, постаравшись забыть о ней.

Кто знает, быть может, Элиот действительно пал жертвой приبلудного бист вилаха. Во всяком случае, окажись это так, всё было бы куда проще для всех. И думать, что это так, куда безопаснее.

В первую очередь – для меня самой.

Весь день я просидела в комнате за чтением. Когда меня позвали есть, я ответила, что не хочу. Настаивать на моём присутствии не стали: с уважением отнеслись к моей печали по Элиоту. Книга, оказавшаяся крайне увлекательной, помогла мне отвлечься, забыться и обрести относительный душевный покой, и к вечеру я уже прочла её от корки до корки. Тогда я всё же отперла дверь и спустилась в сад, устремившись к своему любимому старому раскидистому вязу, размышляя о прочитанном.

Но на полпути меня окликнули:

– Ребекка...

Я остановилась. Овернулась, настороженно глядя, как приближается Том.

Я не знала, ни как относиться к нему, ни как вести себя с ним после вчерашнего. До сего момента мне казалось, что я никогда больше не испытаю симпатии при взгляде на него.

Но то, что я почувствовала, когда увидела его лицо, на котором лежала печать усталой печали, было далёким от неприязни.

Том замер в шаге от меня, пристально глядя в мои глаза. Приложив ладонь к сердцу, склонил голову.

– Прости меня, – тихо произнёс мой друг. – То, что случилось вчера, не повторится вновь. Я больше никогда не сделаю того, что противно твоей воле.

Я только кивнула, прежде чем отвернуться. Чувствуя, как стремительно тает лёд, сковавший моё сердце вчера.

Всё же во мне было слишком много чувств к Тому, чтобы я могла запросто их перечеркнуть. Пускай эти чувства не были романтическими, но они были.

Я направились вперёд, и Том молча зашагал рядом: к вязу, под которым мы так часто резвились, когда были детьми.

– Ты оставила книгу вчера в саду, – сказал он внезапно. – Я читал её... чтобы отвлечься.

– Так это ты вернул её в дом?

– Да.

– Благодарю. Было бы жаль, если бы ливень промочил её. – Я искоса поглядела на него. – И что думаешь о прочитанном?

– Написано весьма талантливо. Автор умело поиграл с традициями готического романа, но вместе с тем родил нечто новое. И, готов поспорить, тебя покорила главный герой.

– Почему?

– Он понравился даже мне, и я ещё не забыл о нашей общей любви к Чайльд-Гарольду и Конраду¹⁰.

– Да, – помедлив, сказала я. – Мне понравился мистер Рочестер.

– А что ты думаешь о Джейн?

¹⁰ Герои поэм лорда Байрона: Чайльд-Гарольд – «Паломничества Чайльд-Гарольда», Конрад – «Корсара».

Я помолчала, глядя на раскидистую крону вяза, нижними ветками почти достающую до земли; в золотых лучах вечернего солнца его весенняя листва казалась выточенной из хризолита.

Мне самой непросто было определиться с ответом на этот вопрос.

– Она... сильная личность, – промолвила я наконец. – С одной стороны, она восхитила меня. Она часто высказывала мысли и идеалы, близкие мне. Но в одном я не согласна с ней.

– В чём же?

– Она отвернулась от того, для кого была спасением, светом в ночи, надеждой на возрождение. Мистер Рочестер любил её всем сердцем, однако она поставила свои принципы и свою гордость выше него. Он был несчастным человеком, которого обманули ещё неопытным мальчишкой, тем самым порушив всю его жизнь. Я вижу его куда более благородным, чем он сам о себе думает. Другой на его месте собственноручно убил бы сумасшедшую фурию, которую называли его женой, только чтобы освободиться от неё. Это было не так и трудно, в её-то состоянии: столкнуть её с лестницы и представить всё несчастным случаем. Он же позволял ей отравлять свою жизнь...

– Даже в минуты самого горького отчаяния желая застрелить себя, но не её, – закончил Том мою фразу.

– Даже в том пожаре, который в итоге уничтожил их проклятый дом, кинувшись её спасать, – подхватила я.

Том кивал, и я знала: он полностью понимает, что я говорю и, более того, что думаю. Как у нас часто бывало прежде.

– Оставшись с ним при живой жене, Джейн даже не пришлось бы переступать через осуждение тех, чьим мнением она дорожит, или осуждение общества, – продолжила я. Мы наконец вступили под сень вяза, и я остановилась у его шершавого ствола. – Но страх перед осуждением богов, запрещающих двоежёнство, и собственная драгоценная честь для неё перевесили любовь.

– Однако в конечном счёте она осталась с ним. Она вернулась к нему, когда он потерял всё, и приняла его таким, от которого многие на её месте отвернулись бы.

– Осталась с ним? Ха! Конечно, осталась! Милостиво осталась, когда ничто уже не ставило под удар её принципы и её гордость! – Распалаясь всё больше, я наматывала круги под шелестящей листвой, оживлённо жестикулируя. – Ей претило жить в беззаконии с тем, кто выше её, но понравилось ощущать себя благодетельницей при беспомощном калеке, благородной и великодушной мученицей! Разве не она косвенным образом была повинна в несчастье, постигшем его? Разве это не было меньшим, чем она могла отплатить за его доброту, за его любовь и за тот свой побег? Если бы она тогда осталась, а не сбежала, если б уехала с ним туда, куда он предлагал... Разве клятва, которую мы приносим, вступая в брак, которую даём тому, кого любим, не обещает быть рядом с ним в болезни и радости, горе и здравии? И что такое осуждение всего мира против боли того, кого любишь? Она отреклась от себя и своей любви ради своей веры, но это ли подвиг самоотречения? Для меня подвигом было бы, если б она презрела всё, включая веру и гордость, ради спасения ближнего своего, ради того, кто так в ней нуждался! Я никогда не бросила бы друга – даже просто друга – наедине с его горем, во власти тоски и безнадёжности, никогда!

Задышавшись, наконец перевела дыхание... и только тут заметила странное, почти заворожённое внимание, с которым Том слушал меня.

– Ты говоришь с такой страстью, – промолвил он задумчиво. – Похоже, ты очень отчётливо представила себя на её месте.

Осознав, что последние слова я почти прокричала, я мигом взяла себя в руки.

– Что является ещё одним неоспоримым достоинством книги, – заметила я уже сдержанно. – И да, я признаю, что могу быть неправа. В конце концов, я юна, мало знаю жизнь и, к счастью, никогда не была в столь щекотливой ситуации. Надеюсь, что и не буду.

Том покачал головой, с улыбкой, внезапно коснувшейся его губ, разом развеявшей тень печали на его лице.

– Я знаю тебя столько лет, но тебе до сих пор удаётся меня поражать, Ребекка. – В его голосе послышалась такая нежность, что у меня защемило сердце. – Ни законы людей, ни законы богов для тебя, по большому счёту, ничего не значат, верно? Ты и предрассудки – вещи абсолютно противоположные.

Я растерянно молчала, не зная, что ответить... но Том рассмеялся, разом разрядив обстановку.

– Услышь кто угодно подобные рассуждения... особенно ту часть, что касается лестницы, и особенно – твоя матушка... она схватилась бы за сердце и навсегда запретила тебе читать, – весело заметил он.

– Ты недооцениваешь мою мать, – фыркнула я. – Она решила бы, что моё сердце уже безнадежно черно, и отправила бы меня послушницей в храм Садб¹¹, дабы хоть там его очистили непрестанными молитвами и ореолом божественной святости.

– Да, пожалуй. Но именно за то, что так пугает её, я... Ты так дорога мне. – Приложив ладонь к древесному стволу, Том отвернулся. – Я видел немало девушек. В Ландэне многие блестящие леди пытались пристроить своих дочерей за наследника графа Кэрноу, и ни одна из них не сравнится с тобой. С твоей дерзостью, независимостью, умом. Я люблю дикий вереск, но не бледные тепличные розы. И лишь вереск, дикий и прекрасный, сделает меня счастливым в полной мере. – Когда он вновь взглянул на меня, улыбка уже ушла с его губ, а в глаза вернулась печаль. – Ты сказала, что не бросила бы друга наедине с его тоской. Значит, ты осталась бы с тем, кто нуждается в тебе как в воздухе? С тем, кто не сможет без тебя жить?

Я вспомнила вчерашний разговор с графом, чувствуя, как ушедшее было напряжение вновь разливается в воздухе.

– *Il n'y a pas de roses sans épines*¹², – произнесла я, стараясь говорить как можно мягче. – Розы тоже прекрасны, Том. Быть может, ты просто не хочешь разглядеть...

– Ребекка. – Шагнув вперёд, друг взял мои руки в свои. – Я знаю, что ты не любишь меня. Но клянусь: если ты станешь моей, я сделаю всё, чтобы ты меня полюбила. Твои капризы станут для меня законом, твои желания – моими желаниями. Я не буду неволивать тебя ни в чём. И если ты поймёшь, что я противен тебе... я дам тебе свободу. Либо развод, либо возможность жить в браке, как ты хочешь. С кем ты хочешь. Клянусь.

Я не отстранилась. И не отняла рук. Наверное, потому что на сей раз в его взгляде была печаль, но не страсть, а на лицо печатью обречённости легла странная тень. Тень, позволившая мне отчётливо понять: то, что говорил лорд Чейнз, действительно может быть правдой. И если это правда, я не могу отказать.

Ведь я действительно никогда не смогу бросить друга, поставив себя выше его, обрекая его на гибель.

– Наши родители хотят, чтобы мы поженились в один день с Бланш и Джоном, – произнёс Том неожиданно. – Через месяц.

– Ну да. Как удобно. Даже список приглашённых менять не придётся, – пробормотала я. – И никто не скажет, что младшая дочь не дождалась своей очереди.

– Сейчас мы можем пойти к ним. И сказать, что ты согласна на моё предложение. – Заметив мой возмущённый взгляд, Том успокаивающе вскинул руку: – Это облегчит жизнь и

¹¹ Богиня в ирландской мифологии, олицетворяющая кротость и красоту.

¹² Нет розы без шипов (*фр.*).

тебе, и мне. Иначе, боюсь, твоя матушка вполне способна подстроить некую ситуацию, которая скомпрометирует нас обоих так, что нам не останется иного выбора, кроме как пожениться. Она уже поговаривала об этом. О том, что случилось вчера, я не рассказал никому, кроме отца: не из трусости, а из-за понимания, что этим я отрежу тебе все пути к отступлению. Я не хочу этого, не хочу волочь тебя под венец лишь потому, что у тебя не осталось выбора. Но я оставлю тебе этот месяц на то, чтобы понять, чего хочешь ты. Если в какой-то момент ты поймёшь, что ни при каких обстоятельствах не желаешь быть моей женой, и скажешь мне об этом, мы разорвём помолвку. Твоя репутация останется безупречно чиста, обещаю. Тебе не нужно будет объяснять мне, почему ты не хочешь, чтобы эта свадьба состоялась. Хватит одного твоего слова «нет». В конце концов, ты ведь не говорила мне «да». – Он крепче сжал мои пальцы. – Хорошо?

Если б на его месте был кто-то другой, я решила бы, что меня обманывают. Что меня увлекают в шёлковые сети, которые в нужный момент обернутся стальным капканом. Что меня приманивают мурлыканьем ласковой кошки, которая без колебаний выпустит когти, когда это понадобится.

Но это был Том. Милый, добрый мальчик, которого я знала почти так же, как себя. Мальчик, который никогда не умел лукавить и лгать. Тем более мне.

Если б на его месте был кто угодно другой, я, не колеблясь, сказала бы «нет». Но это был он, мой старый добрый друг, – а мне требовалось время, чтобы понять, действительно ли он нуждается во мне так, как говорил его отец и как кажется мне. И я не хотела своим неосторожным «нет» сейчас подписать ему приговор.

Поэтому, судорожно выдохнув, я коротко ответила:

– Хорошо.

Казалось, его глаза вспыхнули изнутри. Таким чистым, лучезарным светом, что мне стало стыдно за все свои подозрения.

Порывисто склонив голову, Том коснулся губами моих волос. Отстранился – в тот же миг, когда я ощутила, как сбивается его дыхание и как становятся стальными пальцы, сжимающие мои ладони; глядя в его глаза, вновь почерневшие, я видела, какого труда ему стоило отстраниться. Понимала, чего ему стоило поцеловать мои волосы – всего лишь волосы, – не повторяя вчерашнего.

Мне вдруг стало интересно, что сказал бы по поводу всего этого мистер Форбиден.

И, понимая, что это совсем не та мысль, которая подобает чужой невесте, смущённо подала руку Тому, готовому вести меня обратно к дому.

– Идём, – сказал он лукавым голосом мальчишки, с которым когда-то мы носились наперегонки под тем самым вязом, где теперь объяснились в любви. – Обрадуем твою матушку счастливым известием, что больше ей нет нужды расставлять ловушку собственной дочери.

Глава седьмая, в которой мы наблюдаем свидание на кладбище

На следующий день, срезав ветку с ивы в саду, я отправилась в деревню, на могилу Элиота.

Заключение стражи было быстрым и гласило, что покойного убил крупный волк. На похороны я не успела: матушка была против того, чтобы я ехала куда-либо – вот ещё придумала, портить себе настроение, когда надо готовиться к вечернему балу в Грейфилде! – но отец решительно пресёк её возражения. Та уступила и даже не особо ворчала. Похоже, вчерашний разговор с Томом действительно её умилировал.

Конечно, непутёвая дочь ведь оказалась не так безнадёжна, как она думала.

Кладбище располагалось за околицей деревни, некогда названной Хэйл, неподалёку от храма Великой Богини. Мне пришлось немало поплутать между мшистых покосившихся памятников, чтобы найти свежую могилу. Небольшой курган из камней высился подле самой кладбищенской ограды, за которой расстилались вересковые поля вокруг Хэйла, рядом с памятником, украшенным короткой надписью: имя Элиота, годы жизни и подпись: «Верный и преданный слуга». Буквы обрамлял орнамент из листьев бузины, символа смерти и нового рождения, а на кургане лежали ветви ивы, первого дерева творения, и листья плюща.

Мне с детства казалось забавным и немного жутким, что плющ украшал как похороны, так и свадьбы. Всегда зелёный, он символизировал бессмертие природы и человеческой души и одновременно – вечную любовь.

Возложив свою ветку на грубые серые камни, я сомкнула опущенные руки, молча глядя на надгробие.

Возможно, всё дело было в том, что я не видела тела Элиота, – но мне трудно было поверить в его смерть. Казалось, старый конюх уехал куда-то, а этот камень с его именем – простой памятник, напоминающий о том, что он когда-то жил в этих краях.

Что ж, в каком-то смысле он действительно уехал.

Путь до потустороннего мира недолгий, но неблизкий.

– А, мисс Лочестер!

Вздвигнув, я подняла голову.

Неторопливо подъезжая к ограде со стороны полей, под серым небом, вновь грозившим надвигающимся дождём, мистер Форбиден смотрел на меня с насмешкой и любопытством. Чёрная лента в его волосах висела на ветру, не по-весеннему холодном.

– Кого навещаете? – осадив коня, осведомился он.

– Элиота. Наш конюх. – Я сглотнула ком, внезапно приглушивший мой голос. – Он умер... вчера.

Мистер Форбиден, спрыгнув наземь, похлопал коня по боку. Спокойно перешагнув через низкую ограду, сложенную из неотёсанных булыжников, встал рядом со мной.

Рассеянно поигрывая хлыстом в руке, посмотрел на памятник.

– Соболезную, – сказал он просто.

Сморгнув так и не пролившиеся слёзы, я искоса посмотрела на него. Ни во взгляде, ни в лице, ни в голосе «корсара» не было насмешки: зрелище, которое я видела, наверное, впервые.

Что он здесь делает? Просто ехал мимо, направляясь в Хэйл? Или сделал то, о чём я не раз читала: поддался частому желанию убийцы навестить могилу собственной жертвы?

– Как вы? – помолчав, осведомился мистер Форбиден. – Поздравить вас с тем, что вы успешно увеличили свои шансы остаться старой девой, или посочувствовать по поводу скорой свадьбы?

Привычные язвительные нотки, вновь скользнувшие в его интонации, почти успокоили меня – в отличие от их исчезновения до того.

Я не ответила. И не столько потому, что мне казалось неприличным вести подобные разговоры над могилой Элиота – я предпочитала думать о Томе и нашей мнимой помолвке, нежели о том, что лежит под камнями передо мной, – сколько ввиду ожидаемой реакции на правдивый ответ.

Но он, конечно же, угадал этот ответ и без моей помощи.

– Второе, судя по вашему виду и молчанию, – безжалостно заключил мистер Форбиден. – Значит, вас всё же подкупили. Прискорбно. Позвольте угадать: трагические намёки на то, что без вас счастливый жених не сможет жить? Обещания, что даже в браке вас ни в чём не будут неволить и дадут развод по первому требованию?

Я изумлённо посмотрела на него:

– Вы...

– Откуда я это знаю, хотите спросить? – Он иронично подпёр подбородок рукоятью хлыста. – Если б мне захотелось расставить силок дикой птичке вроде вас, я говорил бы ровно то же самое.

Я опустила голову, вспоминая мысли, посетившие меня во время вчерашнего разговора с Томом.

Смешно, но когда я думала, что сказал бы о моём согласии мистер Форбиден, я предполагала именно это. Ведь то же самое твердил мне мой собственный разум.

Нет, я не должна сомневаться в Томе. Сомневаться в друзьях – предавать не только их, но и себя.

– Ваш отец заезжал ко мне вчера. Благодарил за то, что я спас вас от ливня и помог доставить домой, – не дождавшись моего ответа, отвлечённо заметил хозяин Хепберн-парка. Краем глаза я видела, как его конь смиренно жуёт что-то за оградой. – Славный человек. Наверное, мне было бы стыдно его обманывать, не считай я ложь во спасение безусловным благом, которого не стоит стыдиться. Но, боюсь, теперь мне всё же не отвертеться от ужина.

– Праздничного, полагаю?

– Да, я почту своим присутствием сегодняшний бал в Грейфилде. Воспользуюсь прекрасной возможностью познакомиться со всеми дражайшими соседями разом. Надеюсь, не слишком испорчу тем самым праздник вашей сестрице... Судя по тому, что рассказывал ваш отец, её последний день рождения под родным кровом постараются сделать незабываемым.

– Мы даём балы каждый год, – зачем-то заметила я, не зная, правильно ли истолковала его слова, но сочтя за нужное опровергнуть намёк, который мог в них прозвучать. – Наш доход не так скромен, чтобы мы не могли себе этого позволить.

– Рад это слышать, – невозмутимо откликнулся «корсар». – Уверен, жизнь без них казалась бы вашей сестре совсем невыносимой. Надеюсь, её избранник привезёт её в Ландэн. Она немало позабавит тамошних дам своим провинциальным шармом.

– Если вы так презираете провинцию, мистер Форбиден, зачем же вы купили Хепберн-парк?

Это было до безобразия непристойно, но я чувствовала, что моя грусть развеивается, уступая место уже знакомому веселью.

Мы стояли над могилой человека, чья смерть глубоко меня опечалила: я, которую этим вечером во всеуслышание нарекут невестой лорда, и чужак, сыпавший в адрес моих родных остротами, неподобающими джентльмену. Чужак, которого я подозревала в странных и страшных вещах, чужак, который мог быть повинен в смерти Элиота. Однако каждая наша встреча, каждое его слово заставляли меня чувствовать себя так, будто в затхлый склеп, которым пытались обернуть мою жизнь, ворвался свежий ветер, пьянящий нотками морского бриза.

Аромат свободы.

– Презираю? Отнюдь. В определённых обстоятельствах приятно насладиться чистыми, незамутнёнными вещами, как раз такими, как местные пейзажи или чей-то девственный ум. Да и истинные сокровища, неожиданно обнаруженные там, где ты не думал их найти, радуют вдвойне. – Он с улыбкой легонько ударил хлыстом по своей ладони, снова скрытой чёрной перчаткой. – Зато вы, полагаю, с большой радостью променяли бы все танцы на компанию ещё одной интересной книги, и общество вашего коня да ветра в поле вам предпочтительнее того блестящего собрания, что предстоит сегодня.

– Почему вы так думаете? – спросила я, уже не удивляясь его безусловной правоте.

– Ибо я предпочёл бы его же. Боги, к их чести, сотворили коней так, что от тех не услышишь ни глупостей, ни фальшивых любезностей. Жаль, что их предусмотрительности не хватило на подобную щедрость по отношению к людям.

Несмотря на все попытки сохранить внешнюю невозмутимость, уголки моих губ всё-таки дрогнули в предательском намёке на сдерживаемый смех.

– Боюсь, мистер Форбиден, тогда бы вы лишились сейчас и возможности, и повода излить свой яд в беседе, после и ради которой я готова вытерпеть куда более скучные разговоры, предстоящие мне сегодня вечером.

Хлыст застыл в мужской руке – и, глядя на меня, хозяин Хепберн-парка сжал в пальцах чёрную кожаную бляшку на его конце. Чуть сощурился.

– А вас, гляжу, мой яд скорее привлекает, чем отпугивает, – бесстрастно проговорил он.

От выражения его разноцветных глаз моя улыбка погасла, а веселье растворилось во внезапном, непонятно с чего зародившемся волнении. Мне нестерпимо захотелось отвести взгляд – но я не отвела, несмотря на жар, вдруг приливший к щекам. Наверное, больше из упрямства, чем из чего-либо ещё.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Затем мистер Форбиден воздел палец к небу: не то назидательным, не то предостерегающим жестом.

– Осторожнее, мисс Лочестер. – Он резко опустил хлыст, и его мягкий голос окрасили странные низкие нотки. – Аромат ядовитых цветов пьянит, однако, если чересчур ими увлечься, последствия будут плачевны. – Отвернув голову, он кивнул на могилу; когда перекрестье наших взглядов разорвалось, я испытала странную смесь облегчения и разочарования. – Так что стряслось с бедным стариком?

Вопрос резко меня отрезвил.

– На него напал волк, – медленно произнесла я, пытливо вглядываясь в лицо собеседника, стараясь уловить в нём подозрительную перемену.

Он вскинул бровь:

– Волк?

В этом движении не читалось ничего, кроме вежливого удивления.

Впрочем, если бы он, будучи оборотнем, не умел притворяться, Инквизиция явилась бы по его душу давным-давно.

– Да, – подтвердила я. – Большой волк.

Глядя на могилу, мистер Форбиден коснулся хлыстом надгробия.

– Как удивительна и внезапна жизнь, не правда ли, мисс Лочестер? – отстранённо молвил он. – Ещё совсем недавно этот старый добрый малый дышал и, полагаю, даже не думал умирать, а сегодня лежит тут и, вероятно, немало веселит богов удивлением по поводу данного факта. Люди такие смешные в своём вечном наивном эгоцентризме. – Концом хлыста он обвёл один из бузиновых листьев, высеченных на камне. – Вы ни разу не пытались представить мир, в котором нет и никогда не было вас?

Вопрос был неожиданным и внезапным. Таким внезапным, что я почти помимо воли тут же попыталась это вообразить. Что я никогда не рождалась, что сейчас меня нет там, где я стою, – а между тем всё идёт своим чередом: солнце, вставшее утром, пробивает сквозь тучи

свой угрюмый свинцовый свет, ветер ластится меж могил, оглаживая серебристые листья ивы, а мой собеседник смотрит на существующую вместо меня пустоту.

У меня получилось всего на один миг.

Ощущение было настолько странным, что у меня закружилась голова.

– Любопытный опыт. – Конечно, мистер Форбиден наблюдал за мной, и моя попытка не укрылась от его пугающей пронизательности. – В сравнении с масштабами Вселенной люди немногим больше бабочек-однодневок, однако в своих головах они – её неизменный центр. Весь мир вертится вокруг них, солнце и луна сопровождают их по небосводу. В нас природой заложено поразительное самомнение, наше сознание устроено абсолютно эгоцентрично, но гордыню почему-то считают грехом. – Он пожал плечами: – Забавно, что ни говори.

Я задумчиво изучала взглядом его профиль: высокий чистый лоб, который редкими параллельными ниточками прорезали морщины, ироничный излом тёмных бровей, тонкий нос, самую капельку загнутый книзу, заставляющий вспомнить о хищных птицах. Морщины легли и вокруг этого носа, прочертив на лице две глубокие складки, убежавшие вниз к уголкам губ, и у разноцветных глаз, спрятавшись там тонкой сеточкой. Это было лицо человека, который действительно повидал очень и очень многое, и бо́льшая часть этого «многого» была тем, что не могло не оставить после себя хмурый морщинистый след.

Удивительно. Он не был молод. И совсем не походил ни на благородного рыцаря, ни на прекрасных принцев из сказок.

Тогда почему он кажется мне привлекательнее всех мужчин, что я видела в жизни, включая Тома, которого проще простого представить на белом коне, в золотой короне и сияющих доспехах?

– Вы совсем не любите людей, мистер Форбиден? – колко осведомилась я, отвлекаясь от странных смущающих мыслей.

– Скажем так: не дай боги, чтобы люди относились ко мне так же, как я к ним. *Quod ab initio vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest*¹³.

– *Sua cuique sunt vitia. Animus superiora capessat necesse est*¹⁴, – парировала я. – Жить мизантропом, должно быть, тяжело.

– Не тяжелее, чем юной свободолюбивой максималисткой с головой на плечах, да к тому же весьма привлекательной. – Не глядя на меня, мистер Форбиден усмехнулся: – Сделав вас своей любимицей, ваш отец оказал вам дурную услугу. Он воспитывал вас так же, как воспитывал бы сына, с небольшими поправками на то, что вы всё-таки девочка. В итоге он сделал вашу жизнь куда сложнее, чем если бы к вам столь же равнодушен, сколь к вашей сестрице. Позвольте угадать: с его тайного позволения вы с детства таскали у него газеты, а из библиотеки – «мужественную литературу» вроде Шекспира? Читали запретные для хрупких трепетных дев новости о политике, скандальных разводах и кровавых убийствах, проливали слёзы над историей Ромео и Джульетты?

– Нет. Не проливала, – произнесла я. Даже не комментируя остальное, испытывая забавное удовлетворение от того, что он ошибся хоть в чём-то. – Я плакала о судьбе короля Лира, мне было жаль Макбета, но Ромео и Джульетта оставили меня равнодушной.

Это заставило его снова взглянуть на меня:

– Почему же?

– Я считаю, им повезло, что их история закончилась именно так. Лишь благодаря печальному концу она останется в людской памяти великой историей любви. Если бы ничто не мешало им быть вместе... – Я рассеянно повела рукой, пытаюсь не вызывать волнения, снова охватившего меня под его пристальным взглядом. – Ромео был ветреным юношей. На тот бал, где

¹³ Что порочно с самого начала, не может быть исправлено с течением времени (лат.).

¹⁴ У каждого свои недостатки. Дух неизменно стремится к высотам (лат.).

они повстречались с Джульеттой, он пришёл, будучи влюблённым в другую девушку, но мигом позабыл о ней, увидев новое хорошенькое личико. Заполучив Джульетту в законные супруги, очень скоро Ромео остыл бы и к ней, и вместо трагической поэмы о несчастных влюблённых мы получили бы весьма некрасивую историю о бедной жене гуляющего повесы.

Он расхохотался, запрокинув голову, но не отводя глаз.

– Вы уверены, что вашей достопочтенной матушке вас не подкинули? Фоморски забавно слышать подобные рассуждения из уст дочери кого-то вроде неё. – Даже когда мистер Форбиден перестал смеяться, широкая улыбка не исчезла с его губ. – Значит, история влюблённых голубков не вызвала у вас особых переживаний, но вы сочувствовали предателю и убийце Макбету?

– Ромео тоже убивал. А Макбет – несчастный человек. Он попался в ловушку пророчества и собственной жены, которая была куда более алчной и властолюбивой, чем её супруг. При других обстоятельствах он мог остаться верным подданным и блестящим полководцем, прославившим своё имя в веках, а не запятнавшим его.

– Как интересно. – Наконец выпустив меня из незримых пут своего взгляда, мистер Форбиден отвернулся, с улыбкой посмотрев на дорогу, по которой к Хэйлу стремительно приближался всадник на каурой лошади. – А что же вы скажете...

Вопрос неожиданно оборвался.

В следующий миг мой собеседник стремительно крутанулся на каблуках, развернувшись прочь от дороги. Я недоумённо посмотрела на него, пытаясь понять причину и этого действия, и его внезапного молчания. Смутно подозревая, в чём она может крыться, внимательнее присмотрелась к всаднику, который уже скакал мимо кладбищенской ограды.

Характерный чёрный плащ из плотного сукна – с длинными рукавами, узким стоячим воротником и отсутствием каких-либо украшений – был более чем узнаваем.

Я озадаченно следила, как незнакомый служитель Инквизиции, прорысав мимо храма, въезжает в Хэйл, чтобы исчезнуть за поворотом деревенской улочки. Вновь посмотрела на мистера Форбидена, который обернулся через плечо, вместе со мной провожая приезжего взглядом.

Недобрым, тяжёлым, почти пугающим взглядом.

– Служитель великого ордена в этом милом местечке, – протянул хозяин Хепберн-парка. – Как интересно.

Я сжала в пальцах тонкую ткань юбки, лихорадочно соображая, что может означать подобная реакция.

Инквизиция уже века хранила наши земли от тёмных сил. В неё входили Охотники, разбивавшиеся со всяческой нечистью, и непосредственно Инквизиторы, охотившиеся на магов-отступников. Форму они носили одну и ту же, но если Охотники всегда были магами, то Инквизиторы – нет: противомagическое оружие мог использовать лишь тот, кто сам не владел магическим даром.

Я не знала, кто сейчас проехал мимо нас, Инквизитор или Охотник.

Но если кто-то стремится скрыть своё лицо от служителя Инквизиции, это в любом случае говорит о многом.

– Вы имеете что-то против Инквизиции, мистер Форбиден? – невинно осведомилась я.

– Мне посчастливилось некогда иметь с ней слишком близкое знакомство. – Хозяин Хепберн-парка коротко поклонился: – Прошу меня простить, мисс Лочестер, но, пожалуй, продолжим беседу в другой раз. И мне, и вам пора готовиться к нашей вечерней танцевальной пытке.

Я наблюдала за тем, как он, вновь перешагнув через кладбищенскую ограду, ловко вспрыгивает на коня.

– Вы хорошо танцуете, мистер Форбиден? – подчиняясь какому-то азартному порыву, задорно спросила я.

Он развернул в мою сторону коня, уже нетерпеливо рывшего землю копытом: животному явно надоело ждать, пока хозяин соизволит продолжить путь.

Лёгкое удивление в разноцветных глазах было для меня лучшим подарком.

– Если хорошо, не танцуйте, – улыбаясь, продолжила я. – Рискуете изменить к лучшему мнение местных дам о вашей скромной персоне и, возможно, даже влюбить в себя парочку, а вы в этом явно не заинтересованы.

Удивление на его лице сменилось неким выражением, больше всего напоминавшим удовлетворение.

– О, не беспокойтесь, – учтиво откликнулся мистер Форбиден. – Если я и буду танцевать этим вечером, то лишь с одной дамой. Её, полагаю, мне можно не опасаться. – Уголок его тонких губ растянула усмешка. – До вечера, мисс Лочестер.

Хлестнул коня – и, сорвавшись с места, помчался по дороге, уводившей прочь от Хэйла.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез на горизонте. Потом, в последний раз взглянув на могилу Элиота, направилась к выходу с кладбища.

Всё любопытнее и любопытнее. Тайны множатся, в отличие от разгадок оных. И я слишком заинтересовалась ими, чтобы отступить.

Я разгадаю твои секреты, «корсар». Я узнаю, что ты скрываешь. Рано или поздно, так или иначе. Пусть это опасный путь – я не отступлюсь.

А пока нас ждёт ещё одна скорая встреча... и, если я правильно понимаю твой характер, этот бал определённо обещает быть интереснее предыдущих.

Глава восьмая, в которой мистер Форбиден проявляет неожиданные таланты

– О, Ребекка, я так рада за тебя! – восторженно щебетала Эмили Лестер, сестра Джона. – Ты и Том!..

Я кивнула, стараясь удержать на лице маску счастливой невесты, искренне благодарной окружающим за поздравления.

Бал, к моему удовольствию, медленно приближался к концу. Свечи, ярко озарявшие просторный зал, играли отблесками на лепнине бежевых стен. Цветы в вазах, приправившие окружающую духоту раздражающей сладостью, трепетали на сквозняке, веявшем из открытого окна. Контрдансы, кадрили, польки и мазурки сменяли друг друга, пары сходились и расходились, сплетая переходами дурманящую танцевальную паутину. Лёгкие шали струйками пёстрого тумана летели за своими хозяйками, кружившимися в изысканных па под звуки флейты и скрипок; от разноцветья фраков и блеска платьев рябило в глазах, узкие рукава жали, корсет, затянутый ту же обычного, мешал дышать.

Я танцевала лишь два первых танца – с Томом, – после чего с облегчением позволила ему проводить меня до стула, на котором я и намеревалась провести остаток бала. Слава богам, Том прекрасно помнил о моём равнодушии к танцам, а потому не докучал мне приглашениями, к пущей радости других дам: мой жених был прекрасным партнёром. Остальные мужчины, как всегда, не рвались меня ангажировать, и я могла бы надеяться на относительный покой, если б матушка не поспешила по секрету поведать всем о счастливом событии, приключившемся с её дурнушкой-наследницей. Теперь время от времени мне приходилось принимать поздравления, из которых искренними были совсем немногие.

Сейчас я старательно улыбалась подругам Бланш, которых сестра подвела ко мне. И если Эмили, кажется, действительно радовалась за меня, то вот Элизабет Гринхауз – дочь других наших соседей, некогда тщетно пытавшаяся заинтересовать Тома своей скромной персоной, – явно скрывала за фальшивым восторгом не самые добрые чувства.

– Я всегда говорила, что они будут прекрасной парой, – заявила Бланш.

– Конечно, прекрасной. Лорд Томас – столь завидный жених, что своими достоинствами способен скрасить недостатки любой невесты, – промурлыкала Элизабет. – Поздравляю, Бекки.

Её взгляд истекал завистью, точно кислотой.

Я ненавидела это. Ядовитые уколы, жалившие тонким лезвием, облитым мёдом учтивости и прикрытым кружевами приличий. Ненавидела и презирала. Бланш никогда не замечала подобного – по глупости, наивности и доброте, – но я замечала; и я была слишком злым человеком, чтобы игнорировать или прощать подобное. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем сбросить свою маску и прямо сказать этой маленькой гадюке всё, что я о ней думаю, однако я не могла этого сделать. Мне не страшно было бы подставить под удар себя – но не репутацию семьи.

Мне претила необходимость унижаться до того, чтобы использовать то же подлое оружие, которым били меня мои оппоненты. Однако все мы жили в мире, навязывающем нам свои правила, и этот мир не прощал ошибок.

– Благодарю, дорогая Лиззи, – чопорно ответила я. – Искренне желаю тебе в скором времени испытать то же счастье, что выпало мне. Благо тебе будет куда проще подыскать достойную пару... ведь твои достоинства настолько ослепительны, что тебе прекрасно подойдёт человек, который своей невзрачностью будет оттенять их, но не затмевать твоё сияние.

Элизабет, не стирая с губ дежурной улыбки, сузила глаза, но Бланш искренне и звонко рассмеялась:

– О, Бекки, не переживай! Я уверена, нашей очаровательной Лиззи недолго осталось быть незамужней! Она и правда слишком хороша для этого. – Сестра надула губки. – Но ты опять совсем не танцуешь! Бекки, это последний раз, когда мы празднуем мой день рождения под этой крышей, так сделай мне подарок!

– Бланш, ты прекрасно знаешь, что я весьма посредственная...

– Ерунда! Ты прекрасно танцуешь!

– Не думаю, что созерцание моего танца доставит тебе такое уж удовольствие.

– Но я хочу видеть тебя весёлой! Хочу, чтобы у тебя кружилась голова, хочу, чтобы ты улыбалась и смеялась, а не сидела здесь букой! – Сестра порывисто взяла меня за руки: – Бекки, ну пожалуйста!

– Бланш...

– Дамы! – Том, подоспевший к месту разговора с двумя товарищами, заставил девушек дружно повернуться к ним. Мой жених одарил меня понимающей улыбкой; глубокий изумрудный цвет его фрака изумительно оттенял зелень глаз. – Понимаю ваше желание поговорить с подругой, но бал предназначен для танцев. Наговориться успеем за ужином. – Он галантно поклонился Элизабет: – Мисс Гринхауз, не подарите ли мне следующий танец?

Та, мигом забыв обо мне, благосклонно протянула ему руку, приятели Тома ангажировали Бланш и Эмили – и, напоследок кинув на меня взгляд, полный заговорщической хитрецы, Том увёл надоедливых собеседниц прочь.

Я надеялась, что он различил благодарность, которой был исполнен мой ответный взгляд.

Нет, всё-таки из всех мужчин, что я знала, Том был для меня самой подходящей парой. Действительно, что ещё мне нужно? Он прекрасно понимает и угадывает мои желания, он учтив, нежен и внимателен (тот единственный срыв – не в счёт). Он – жених, о котором большинство юных леди могут только мечтать, и будет таким мужем, который заставит многих завидовать мне. И лорд Чейнз прав: вероятность встретить кого-то, кого я искренне и страстно полюблю и с кем мне не помешают обручиться сословные рамки или другие препятствия, ничтожно мала.

Я скользнула взглядом по пёстрой бальной толпе, со странной досадой осознавая, что ищу один неизменно чёрный силуэт.

Из всех мужчин, что я знала...

– Вы не чувствуете себя чудовищем, случайно заявившимся на бал простых смертных, мисс Лочестер?

Голос того, кого я искала, раздался над самым моим ухом, но я не вздрогнула и не обернулась.

– Вы скрываете свой истинный лик под маской, однако стоит вашей маске упасть, и все с криком ужаса побегут от вас, а праздник будет безнадёжно испорчен, – негромко продолжил мистер Форбиден. Я отчётливо представила, как он стоит за спинкой моего стула, скучающе глядя на пары, кружившиеся перед нами, не обращая никакого внимания на гостей вокруг. – Но вы не позволяете ей упасть, притворяясь обычным человеком, таким же, как все вокруг... а в глубине души только и мечтаете о том моменте, когда бал окончится, позволив вам вернуться в своё уютное логово.

Любопытное сравнение. Я бы даже сказала, весьма любопытное.

И многозначительное.

– Если это и так, я здесь не единственное чудовище, – заметила я, чуть повернув голову, глядя на него снизу вверх. – Это немного утешает.

Его улыбка была такой тонкой, что её легко можно было принять за игру света.

Даже на бал он пришёл в чёрном. Впрочем, это был праздничный чёрный: не аскетичный невыразительный цвет, в который облачались жрецы и Инквизиторы, а чёрный аристократов – бархат и шёлк, отливавший блеском воронова крыла. И в этом чёрном хозяин Хепберн-парк смотрелся изящнее и богаче многих почтенных джентльменов, которые предпочли сапфирную синеву или рубиновый багрянец, дополненные золотом и серебром.

За вечер я уже заметила не один заинтересованный или возмущённый взгляд, который устремляли на мистера Форбидена местные дамы. Возмущённый – тех, кто верил слухам и кого приводил в негодование тот факт, что за весь вечер «корсар» так и не удостоил никого хотя бы одним танцем. Заинтересованный – тех, кого такое поведение лишь больше интриговало.

И для кого немаленькое состояние нового соседа вкупе с его неоспоримыми достоинствами явно затмило все видимые и мнимые недостатки.

– Вижу, вы действительно не танцуете, мистер Форбиден. Вняли моему совету?

– Как я и говорил, из всего этого собрания я желал бы пригласить лишь одну даму. Но она не изъявляет особого желания танцевать с кем-либо, а мне претит насилие над прекрасными созданиями.

Я усмехнулась, почему-то вспомнив свою изгрызенную и испарапанную дверь.

– Уверяю вас, – сказала я вслух, – вы немного потеряли.

– Позвольте мне самому судить об этом. – Мистер Форбиден бесстрастно склонил голову набок. – Принимаете поздравления, я погляжу. Ваша матушка просто сама не своя от счастья. Быть может, и вас всеобщее восхищение и зависть заставят переменить мнение о грядущем браке.

Он говорил предельно тихо, так, чтобы за бальным шумом его могла расслышать я одна.

– Ни чужое восхищение, ни тем более чья-то зависть меня не прельщают, – так же тихо откликнулась я.

– Жаль. Сомневаюсь, что теперь у вас есть иной выход, кроме выхода к алтарю под руку с лордом Томасом, а при таком раскладе куда приятнее для вас было бы находить в этом удовольствие. Хотя если вам доставляет удовольствие ощущать себя мученицей...

– Я могу разорвать помолвку в любой момент.

– Охотно верю. – Он даже не старался скрыть насмешку в голосе. – В конце концов, нет ни малейшего основания полагать, что ваш благородный жених не сдержит своих клятв.

– Даже если Том нарушит своё слово, мне будет уже всё равно, – упрямо произнесла я. – После разрыва помолвки матушка в любом случае не даст мне спокойной жизни. Если я пойму, что не хочу быть женой Тома, а он не отпустит меня, я сбегу.

– И что будете делать?

– Работать. Я получила хорошее образование. Смогу стать гувернанткой, думаю.

Ответом мне был скептический смех:

– Недавно прочли книгу мистера Белла, я полагаю?

Я вдруг взглянула на себя его глазами – и, увидев романтическую наивную девочку, не имеющую ни малейшего понятия о реальной жизни и трудностях вольного плавания, судящую о мире лишь по книгам, львиная доля которых посвящалась любовным перипетиям, промолчала.

– Если вы надеетесь, что, став гувернанткой, немедля встретите своего мистера Рочестера, вынужден вас разочаровать. Книга мистера Белла – мрачная сказка о Золушке, что неудивительно, учитывая личность автора. Сказка невесёлая, вдоволь сдобренная жестокой реальностью, ибо боги не расщедрились для героини на добрую фею; но юности, опьянённой любовью, свойственно её не замечать. Лично для меня это сказка в первую очередь благодаря обилию сказочных совпадений... но, как бы там ни было, в действительности из тысячи Золушек дай боги одна получает свой счастливый конец, и лучше не думать о цене, которую она обычно за это платит. В сравнении с этим бедняжка Джейн ещё легко отделалась. – Мистер

Форбиден качнул головой. – Если подумать, лорд Томас не так плох. Глядя на него сейчас... Он действительно любит вас. Я готов поверить, что без вас он не мыслит своей жизни, готов поверить, что ради вас он способен отречься от светских условностей и обязанностей, обеспечив вам свободу, без которой вы зачахнете. – Он сощурился: – Но вот его отец... он меня настораживает.

Я посмотрела на лорда Чейнза. Тот, как всегда холодный, внимательно слушал Бланш, уже закончившую танцевать и теперь оживлённо что-то ему объяснявшую.

– Чем же?

– Тем, как он смотрит на вас. Это не взгляд свёкра на любимую невестку.

– Лорд Чейнз не может быть в восторге от этого брака, – безо всякого удивления и сожаления заметила я. – Моё положение и происхождение явно не пристали невесте единственного сына графа Кэрноу.

– Тогда почему он проявляет такую заинтересованность в том, чтобы вы стали будущей леди Чейнз?

Я растерянно провела ладонью по своей юбке, разглаживая несуществующие складки.

Я могла бы сказать, что лорд Чейнз радеет за счастье сына, во имя которого он готов даже смириться с мезальянсом... но сама понимала, насколько глупым будет это утверждение, если дело касается такого человека, как он.

– Вы сами чувствуете подвох, мисс Лочестер. – Мой собеседник, как всегда, безошибочно угадал течение моих мыслей. – Поверьте, я неплохо читаю людей, и тут дело не в предубеждении. Чувства лорда Чейнза к вам явно...

– Ребекка!

Краем глаза уловив движение справа от нас, я повернула голову – и впервые за вечер улыбнулась вполне сердечно:

– Мистер Хэтчер!

Старший офицер хэйлской стражи деликатно пожал мои протянутые руки.

– Ты сегодня обворожительна, – учтиво проговорил он. – Слышал о счастливом событии. Поздравляю.

Мистер Генри Хэтчер был начальником всей стражи Хэйла и нашим дальним родственником. По этой причине он являлся частым и желанным гостем в нашем доме. Я считала его дядюшкой, которого у нас с Бланш не было – братья мамы и отца умерли ещё до нашего рождения. Строгий с виду, мистер Генри был добрейшей души человеком. Ради бала он облачился в синий парадный мундир; эполеты золотились на его широких плечах, благородное лицо пушилось рыжими бакенбардами.

– Мистер Хэтчер, это...

– Мистер Форбиден. Нас уже познакомили. – Взгляд, которым мистер Хэтчер удостоил моего собеседника, был вполне тёплым. – Слышал, вы намерены выручить Ребекку из затруднительного положения. Позвольте поблагодарить вас.

– Что вы, не стоит. – В голосе «корсара» пробилося веселье, понятное только нам двоим. – Согласитесь, было бы фоморски жаль, если б она подхватила простуду и не украсила сегодняшний вечер своим присутствием. Я не мог допустить подобного.

– Ребекка часто увлекается во время своих прогулок. Замечается и забредает туда, где гуляют одни только фейри, ветер да она со своим конём. Знали бы вы, как часто её родители сетовали мне на это! – Мистер Хэтчер с отеческой нежностью коснулся моего плеча. Вдруг посерьёзней: – К слову, о прогулках. Ребекка, прошу, будь осторожнее. Нам сообщили о беглых каторжниках. В последний раз их видели на дороге неподалёку от Хэйла, они направлялись сюда. Я бы на твоём месте повременил гулять, пока их не поймают.

– Я буду осторожна, – уклончиво ответила я.

Нет уж. Никакие каторжники не заставят меня отказаться от одной из немногих радостей моей жизни. Если кто и захочет на меня напасть, пускай сначала попробует догнать Ветра.

Покосившись на мистера Форбидена, я как бы невзначай спросила:

– Вы знаете, мистер Хэтчер, сегодня я видела в Хэйле служителя Инквизиции. Это вы вызвали его?

Лицо «корсара» осталось совершенно невозмутимым. Он даже не моргнул.

Памятуя о дневном происшествии, мне оставалось лишь восхититься его выдержкой.

– Служитель Инквизиции? – Мистер Хэтчер нахмурился: – Впервые об этом слышу.

– Быть может, он прибыл сюда тайно, чтобы расследовать что-то? Кого-то найти... за кем-то проследить?

Взгляд, который я устремила на мистера Форбидена при этих словах, был весьма красноречив, – но тот снова никак не отреагировал, а мистер Хэтчер лишь коротко рассмеялся:

– Поверь, Ребекка, если бы он хотел сохранить инкогнито, об этом знал бы я, но не ты. Думаю, он просто был тут проездом, и...

Хрустальный звон заставил нас прервать беседу, чтобы посмотреть в центр зала. Там стояла Бланш, торжественно стучавшая по бокалу серебряной ложечкой, привлекая внимание. За её спиной, к моему удивлению, ждал чего-то лорд Чейнз, со снисходительной усмешкой помешивая колоду карт.

– Дамы и господа! – изрекла Бланш, когда шум разговоров стих, а все взгляды устремились на неё. – Следующий танец – вальс, и я, как именинница, взяла на себя смелость сделать его совершенно особенным. Полагаю, сегодня я имею право на маленькие капризы. – Сестра улыбнулась, очаровательно, как и всё, что она делала. – Этот вальс будут танцевать только четыре девушки: я и три мои дорогие подруги... и пары нам составят четверо самых метких джентльменов из присутствующих в зале.

Я с непониманием следила, как сестра отступает в сторону, а лорд Чейнз, вскинув руку, заставляет четыре карты из колоды взмыть в воздух, зависнув в дальнем конце зала, у самого окна.

Впрочем, следующие слова сестры заставили моё непонимание смениться ужасом.

– Лиззи, Эмили, Бекки, – тон Бланш не терпел возражений, – подойдите ко мне.

О нет. Нет, нет, нет!

– Я? Вальс? – Я беспомощно оглянулась на окружающих. – Нет, право, я...

– Ребекка, негоже отказывать сестре в такой день, да к тому же в подобной приятной мелочи, – укоризненно заметил мистер Хэтчер, подавая мне руку. – Иди.

Мистер Форбиден, глядя на меня, лишь улыбнулся. Странной, непроницаемой, какой-то предвкушающей улыбкой. И, осознав, что поддержки ждать не от кого, а сопротивление бесполезно, я покорно приняла помощь мистера Хэтчера, чтобы встать и проследовать туда, где рядом с Бланш уже ждали счастливая Эмили и надменно вздёрнувшая нос Элизабет. Мать наблюдала за происходящим умилённо, отец – с одобрительным интересом. Сестра явно затеяла это не без их ведома.

– Итак! – когда я приблизилась, торжествуя проговорила Бланш, взяв меня под руку. – Наш дорогой лорд Чейнз милостиво согласился помочь мне устроить это маленькое состязание. У нас есть три прелестные девушки в качестве награды... и я, – скромно добавила Бланш. – У нас есть четыре туза в качестве мишеней. – Она указала на карты – маленькие, наверное, в половину моей ладони. Через ползала, да ещё в неверном свете свечей я едва различала символы мастей, украшавшие их центр: те были не больше моего ногтя, и отсюда я видела лишь разноцветные точки. Кроме этих одиноких значков, на картах не нарисовали больше ничего. – И у нас есть револьвер, который поможет нам определить, кто же удостоится чести ангажировать нас на вальс.

Как раз в этот момент лакей – я и не заметила, как он отлучился, – вернулся в зал, неся деревянную шкатулку с папиным револьвером.

– Всё предельно просто, – продолжала Бланш, пока лорд Чейнз, откинув тёмную лакированную крышку, заряжал оружие. – Один туз – одна девушка. Тот, чей выстрел пробьёт центр карты или окажется наиболее близок к нему, выходит победителем. Стрелять могут все желающие, и если вам не улыбнулась удача с одной партнёршей и одной картой, можете испытать её снова со следующей. Прошу не воспринимать поражение серьёзно, в конце концов, это всего лишь игра. Ах да, и чтобы ничто и никто не пострадал от случайных промахов... Милорд?

Лорд Чейнз безо всякого энтузиазма шевельнул рукой.

В воздухе прозрачным маревом задрожал вытянутый купол защитного барьера, обезопасив любопытствующих гостей и стены зала от шальных пуль, отделив их от пустого пространства в центре зала.

– Что ж, стреляем по тузу червей за право танцевать с мисс Гринхауз, – закончила Бланш. – Прошу, джентльмены!

Затея пришлась гостям по душе: полагаю, не столько из-за пламенного желания вальсировать с нами, сколько благодаря возможности продемонстрировать или испытать свою меткость. Один за другим мужчины подходили к указанной точке, чтобы через весь зал попробовать попасть в заветный туз. За возможность танцевать с Элизабет в итоге стреляли пятнадцать человек; впрочем, из них лишь один попал даже не в знак масти, а рядом с ним. Некоторые пробили туз или зацепили его край, остальные же безнадёжно мазали. Уж больно маленькой была мишень, да и далеко не все, в отличие от моего отца, имели большой опыт стрельбы из револьвера. Некоторые не имели его вовсе, так что папа вынужден был встать рядом со стрелками и объяснять, как правильно держать оружие, чтобы не заклинило барабан, а руки не обожгло пороховыми газами.

Револьвер переходил из рук в руки, зал наполнили смешки и отзвуки азартных переговоров, а цветочную духоту сменил приятный по контрасту запах дыма. Те, кто не участвовал, следили за разворачивающимся действием с горячим интересом – кроме мистера Форбидена, скучающе прислонившегося к камину, и лорда Чейнза, который смотрел на стрелков с таким снисхождением, точно перед ним копошились в песочнице дети. Попадая в защитный барьер, пули не отскакивали от магической стены, а тут же со звоном опадали вниз, на паркет. Если же кто-то случайно попадал по соседней карте, та оставалась целёхонькой, лишь окутываясь багровым сиянием. Видимо, лорд Чейнз сотворил защиту и для карт тоже.

Приближения своей очереди я ждала с самыми мрачными чувствами. Мне достался туз пик, последний, и я знала, что немногие будут претендовать на право стрелять в него, а имена этих немногих я могла перечислить прямо сейчас. Кроме того, меня несколько тревожил взгляд тёмных глаз лорда Чейнза, который я периодически ловила на себе.

Возможно, то были лишь мои фантазии, порождённые словами мистера Форбидена, но почему-то в этом взгляде мне отчётливо читалось: *«Веселись, девочка, пока можешь»*.

– Теперь туз пик! – наконец провозгласила Бланш, когда Джон Лестер, донельзя довольный собой, оказался победителем в стрельбе по бубнам, завоевав право танцевать со своей невестой.

Отец, перезарядив оружие, ожидаемо вручил револьвер Тому.

– Не промахнись, – подмигнул он, занимая очередь за моим женихом. – Шанс вальсировать с нашей милой Ребеккой выпадает нечасто.

Взводя курок, Том понимающе усмехнулся в ответ.

К моему удивлению, очередь заняли не только отец да мистер Хэтчер, но и многие другие. Впрочем, я не обманывалась – остальные претенденты не горели желанием вальсировать со мной, просто хотели получить возможность исправить предыдущие промахи.

Но глядя на мистера Форбидена, снова оставшегося в стороне, наблюдавшего за состязанием так же равнодушно и скучающе, как и до того, я почему-то ощутила глупую обиду.

Отвернувшись, я уставилась в стену, наблюдая, как искажает её магическое марево барьера. В самом деле, с чего я решила, что «корсар» захочет стрелять в этот злосчастный туз? Его слова ровным счётом ничего не значат. Да и, возможно, под единственной дамой, с которой он хотел бы танцевать, подразумевалась совсем не я... а чужой невесте непозволительно желание вальсировать с человеком, в котором она подозревает кровавого убийцу, скрывающегося от Инквизиции.

Том действительно не промахнулся. Его выстрел – первый же – попал почти в самый центр, не пробив знак пик, зато снеся ему хвостик. Отец с мистером Хэтчером проявили поразительное косоглазие, попав в карту, но довольно близко к краю; впрочем, по их добродушным ухмылкам я понимала – оба просто не хотят лишать счастливого жениха возможности вальсировать с невестой, которую иначе было не заставить. Кто-то повторил их успех, кто-то оказался чуть точнее, но не более.

– Превосходно! – Когда последний желающий, досадливо разведя руками, вернул револьвер отцу, Бланш счастливо захлопала в ладоши. – Стало быть, победитель...

– Полагаю, рано объявлять победителя, пока счастья не попытал последний претендент.

Слова, которых я ждала – к своему смущению и стыду, – заставили Бланш осечься.

Под взглядами присутствующих, разом притихших, мистер Форбиден неторопливо прошёл через весь зал. Шагнул сквозь барьер, расступившийся перед ним, точно водная завеса: он не пропускал пули, но не людей.

Я сама не понимала, почему по мере приближения «корсара» моё сердце всё сильнее сбивается с ритма.

– Позвольте, мистер Лочестер? – осведомился мистер Форбиден, протягивая руку моему отцу.

Тот, помедлив, вложил в неё револьвер, и хозяин Хепберн-парка откинул барабан скучным жестом опытного стрелка. Вытащив пустые гильзы, зачем-то взял ещё два патрона вдобавок к тем, что должны были остаться. Перезарядив оружие, окинул взглядом карты, так и висевшие в воздухе: все – изрешечённые и все – с целыми, в лучшем случае лишь слегка задетыми символами мастей.

– Милорд, – негромко проговорил мистер Форбиден, – защита уже снята со всех карт, если я не ошибаюсь?

Вокруг зашушукались, но отец Тома молча и бесстрастно кивнул.

Прищулив один глаз, мистер Форбиден взвёл курок.

Всё произошло быстро. Никто не успел опомниться или возразить. Его движения были так стремительны, уверенны и размеренны, что под выстрелы и щелчки взводимого курка, звучавшие в своём собственном чётком ритме, можно было танцевать. И когда мистер Форбиден опустил револьвер, никто бы теперь не смог ответить, какой масти была любая из четырёх пробитых им карт – с них исчезли и красные, и чёрные знаки.

Все четыре были прострелены точно в центре.

Торжество, которое я испытала в этот момент, вряд ли могло бы напугать кого-то больше, чем меня саму.

Под звон воцарившейся в зале тишины, особенно оглушительной после недавних выстрелов, мистер Форбиден повернулся к ошеломлённому отцу. С лёгким поклоном вернув револьвер хозяину, взглянул на Тома: тот стоял рядом, наблюдая за его действиями почти заворожённо.

– Видимо, вам всё же придётся уступить мне вашу невесту, – небрежно заметил хозяин Хепберн-парка. – Не возражаете, лорд Томас?

Первой, конечно, опомнилась Бланш. Восторженно подпрыгнув на месте, она звонко зааплодировала.

– Bravo! – воскликнула сестра; глаза её так и светились тёплыми чувствами, и трудно было поверить, что лишь пару дней назад она отзывалась о мистере Форбидене с недовольством и страхом. – У нас есть абсолютный чемпион!

К бурным аплодисментам, огласившим зал, хозяин Хепберн-парка остался восхитительно равнодушен. Он неотрывно смотрел на Тома, ожидая ответа.

– Что вы, мистер Форбиден, – сдержанно проговорил мой жених. – Позвольте выразить моё восхищение. Вы честно заработали этот танец... единственный.

В ответе сквозил весьма недвусмысленный намёк, но «корсар» только улыбнулся. Более не обращая на Тома никакого внимания, подошёл ко мне и, поклонившись, молча подал руку.

Приняв её, я проследовала за ним к центру зала.

– А я уже думала, вы так и останетесь в стороне, – как можно равнодушнее заметила я, ступая по блестящему паркету.

– О нет, мисс Лочестер. Разве мог я позволить кому-то отобрать у меня единственный вальс, что вы будете танцевать?

Барьер дрогнул и исчез. Гильзы на полу, подчиняясь мановению руки лорда Чейнза, взмыли в воздух и собрались в урну, уже приготовленную лакеем. Я снова заметила пристальный взгляд потенциального свёкра, устремлённый в мою сторону, но на сей раз трудно было понять, на кого он смотрит – на меня или на моего партнёра.

Следом я заметила поджатые губы матери, озадаченное лицо отца и хмурое – Тома и предпочла отвернуться.

– Приятно будет знать, что я танцую с тем, кто не любит танцы в той же мере, – заметила я. – Неудобно чувствовать, что не разделяешь чужое удовольствие.

Заложив одну руку за спину, другой мистер Форбиден коснулся моей талии.

– Кто знает, мисс Лочестер. Вдруг и мы с вами наконец поймём, что находят в этом бестолковом занятии все вокруг?

Его разноцветные глаза были ближе, чем когда-либо, его пальцы придерживали меня едва-едва, но при этом – удивительно цепко. И почему-то мне казалось, что это, а вовсе не сквозняк, является причиной моей внезапной дрожи.

Скрипки деликатно и нежно вывели первые аккорды. На шесть восьмых, складывая вальсовый ритм.

Мой партнёр повёл меня вперёд.

Первые фигуры были чинными и неторопливыми. Мы делали шаги и повороты, даже не соприкасаясь руками.

– Жаль, что нас прервали на кладбище, – произнёс мистер Форбиден. Скрипки приглушали его голос для всех, кроме меня. – Полагаю, поговорить с вами о Шекспире было бы весьма любопытно.

– Не думаю, что вы слышали бы из моих уст нечто новое для вас.

– Порой приятно слышать из чужих уст нечто хорошо тебе известное. Особенно если это нечто, близкое тебе самому. Вносит некое разнообразие в привычное одиночество.

– Ощущаете себя одиноким?

– Только не вздумайте меня жалеть, мисс Лочестер. Моё одиночество – верный и приятный товарищ, с которым я давно уже решил связать свою жизнь, о чём ничуть не жалею. Однако иногда приятно побыть и в другой компании.

Сердце как-то неприятно кольнуло.

– Так презираете всех женщин?

– Не всех. И ни одной из них не пожелаю пару вроде меня.

Удивительно, но эти недобрые слова заставили исчезнуть призрак подступившей было тоскливой обиды.

Голоса скрипок сливались в трепетную мелодию, мажорную, светлую в своей пронзительности. Мы вскинули руки, делая круг, подняв ладони, но ещё не соединяя их, лишь приблизив друг к другу. Я не чувствовала ни малейшего неудобства – наверное, потому что впервые в жизни думала в танце не о ногах и не о правильности или плавности движений, а только о том, кто легко и уверенно вёл меня по залу, не отрывая взгляда от моего лица.

Я отвечала ему тем же.

– Где вы научились так стрелять, мистер Форбиден?

– Долгая история.

– И страшная, полагаю.

Наши пальцы наконец соединились. Мы сошлись и разошлись, снова и снова, выполняя фигуры следующих четырёх тактов. Меня закружили под рукой, и отдельные огоньки далёких свечей слились в единое сияющее марево; потом, не разнимая ладоней, мы сделали по шагу в разные стороны, развернувшись прочь друг от друга, – лишь для того, чтобы в новом такте сблизиться опять.

Я знала, что где-то рядом танцуют другие пары, знала, что вокруг стоят, глядя на нас, другие гости, но в этот миг не слышала и не замечала больше никого.

– Вас привлекают страшные истории, мисс Лочестер. И страшные люди, – проговорил мистер Форбиден, снова кружа меня под рукой, пока я шла вперёд вальсовым шагом, а мыски моих туфель выплетали по паркету изящные вензеля. – Я понимаю, чем они влекут девочек вроде вас, но, поверьте, эта тропинка опасна.

– А вы страшный человек, мистер Форбиден?

– Со стороны обычно виднее, а мне такого не говорили.

– Ибо те, кто мог бы сказать, смолкали навеки прежде, чем получали такую возможность?

Когда он привлёк меня к себе, чтобы мы наконец полетели по залу в обычном вальсовом повороте, на его губах расцвела широкая улыбка, а в разноцветном взгляде плескался смех.

– Ах, Ребекка, Ребекка, Ребекка. – Хозяин Хепберн-парка неотрывно смотрел в мои глаза, кружа меня так стремительно и легко, что я почти не ощущала паркета под ногами. Я не понимала, что больше туманит мне голову: пьяняще быстрые повороты – или прикосновение его пальцев, державших меня уже крепко, почти собственнически. – Да, я страшный человек. Тем более страшный, что вижу дорожку, по которой вы хотите идти сейчас, и не имею ни малейшего желания вас останавливать. Пока вы не зайдёте по ней слишком далеко, по крайней мере. – Он помолчал, точно слушая крещендо скрипок, плавно подводящих музыку к кульминации перед самым завершением. – Но будем считать, этот мир задолжал мне достаточно, чтобы я тоже имел право на маленькие капризы.

Финальные такты и последняя фигура не позволили мне вдаваться в расспросы. Я положила обе руки ему на плечи, обе его ладони сжали мою талию, и он легко, как пушинку, приподнял меня, чуть оторвав от земли, закружив над паркетом. На один томительный миг наши лица оказались недозволенно близко – и когда мистер Форбиден опустил меня, позволив вновь коснуться ногами пола, я осознала: впервые за все сегодняшние танцы у меня сбилось дыхание, и вовсе не от усталости.

Те мгновения, что в зале затихало тремоло последнего аккорда, мы смотрели друг на друга. Не спеша отступать, не спеша отпустить.

Когда звуки музыки сменили аплодисменты – всё же расступились, дабы обменяться последними любезностями. Поклоном от него, реверансом от меня.

Что ж, хозяин Хепберн-парка оказался прав. Снова.

Мне действительно впервые в жизни искренне понравилось танцевать.

Я вновь приняла его руку, дабы позволить отвести себя к родителям и Тому. И если матушка казалась странно удивлённой, а отец – странно горделивым, то лицо моего жениха окрашивала не менее странная задумчивость.

– Мисс Лочестер, я понимаю, что моя просьба абсолютно неприлична, однако мне всё же хотелось бы продолжить нашу беседу о пьесах старины Уильяма, – вдруг проговорил мистер Форбиден. Тихо и быстро, явно стараясь успеть высказать желаемое до того, как мы достигнем цели. – Однако в этой блестящей компании вам придётся следить за каждым словом, а мне хотелось бы снова посмотреть на вас в естественной обстановке. Посему предлагаю встретиться на нейтральной территории.

– Где же? – спросила я прежде, чем до меня дошёл весь смысл его слов.

– В поле. Отправляйтесь завтра на конную прогулку по дороге к Хепберн-парку. Я буду ждать вас на ближайшем к нему перекрёстке, в два часа пополудни, и считайте, что на этом ваш долг мне будет окончательно и бесповоротно уплачен. – Его распоряжения были стремительными, сухими и почти безразличными. – Впрочем, если вы наконец надумаете стать благоразумной и благовоспитанной девушкой и откажетесь от моего предложения, я пойму и уважу ваше решение. В конце концов, для благоразумной и благовоспитанной девушки отказ в данном случае – единственно верный ответ.

На раздумье мне осталось всего несколько шагов, отделявших нас от родителей, Тома и Бланш, которую Джон уже подвёл к ним.

Время, за которое мы делали эти несколько шагов, показалось мне безумно долгим и одновременно безумно коротким.

Это действительно была абсолютно неприличная просьба. Родители никогда не дали бы согласия на уединённую прогулку с посторонним мужчиной, особенно когда меня уже объявили чужой невестой... но сбежать на эту прогулку тайно было бы почти грехом. С точки зрения матушки – почти преступлением. И зачем это хозяину Хепберн-парка? Неужели действительно так интересно поговорить со мной о Шекспире?

Если я соглашусь и кто-нибудь прознает об этом... Или, хуже того, никто и никогда не прознает, ибо эта прогулка станет для меня последней...

Однако слабые доводы разума, твердившего мне, что это безумие, уже заглушил знакомый азарт, замешанный на интересе к загадке под названием «мистер Форбиден», бунте против опостылевших мне правил и немножко – предвкушении при мысли, что нас ждёт почти что тайное свидание, которые в книжках всегда казались мне ужасно романтичными.

За последнюю причину мне было стыдно, ибо она являлась донельзя девичьей и глупой, – но уж какая есть.

– Я буду там, – молвила я, прежде чем сделать последний шаг.

Я сказала это, почти не размыкая губ.

Однако, судя по улыбке, с которой мой партнёр наконец подвёл меня к моему жениху, мистер Форбиден меня услышал.

– Возвращаю вашу суженую, милорд Томас, – проговорил он, с поклоном отпустив мою руку.

Тот сдержанно кивнул.

– Тебе понравилось, Бекки! – торжествуя воскликнула Бланш. – Я вижу, я знала!

– А ведь вечно говорит, что не хочет и не умеет вальсировать, – проговорил отец, глядя на меня с гордостью и умилением. – Это было прекрасно, Ребекка.

– Верно, – протянула матушка, смерив моего партнёра взглядом, в сравнении со всеми предыдущими заметно потеплевшим. Я подозревала, что не последнюю роль в этом внезапном повышении температуры сыграли мамины подруги, стоявшие поодаль и созерцавшие меня с некоторым удивлением: признанный гадкий утёнок внезапно продемонстрировал лебединые крылья.

Будем считать, ещё один повод потешить матушкину гордость немного скрасит то, что я собираюсь сделать завтра.

– А вы весьма разносторонне одарены, как я погляжу, мистер Форбиден, – бесстрастно проговорил лорд Чейнз, подступая к нам прежде, чем хозяин Хепберн-парка успел удалиться. – Ваше имя Гэбриэл, я правильно помню?

Тот кивнул в ответ, – и пусть лицо «корсара» не изменилось, но в движении мне почудилась некая настороженность.

– Я не сразу сообразил, когда нас представляли друг другу, но... кажется, я уже слышал об одном Гэбриэле Форбидене. – Лорд Чейнз смотрел на него в упор. Прямым, тяжёлым взглядом. – Читал в газетах. С ним была связана одна тёмная история.

Я посмотрела на хозяина Хепберн-парка с изумлением – как и все вокруг, – но тот лишь рассмеялся.

– Полагаю, я знаю, о ком вы говорите, – ответил он небрежно. – Меня часто принимают за того человека, однако он не имеет со мной ничего общего.

– Тёзка и однофамилец, значит? – Лорд Чейнз не улыбнулся в ответ. – Что ж, и правда. Вряд ли того Гэбриэла Форбидена заинтересовало бы подобное тихое местечко.

– Судя по тому, что о нём писали, точно нет. – Мистер Форбиден слегка поклонился, даже не взглянув на меня. – Разрешите?

Пока он удалялся прочь из зала, наше семейство дружно провожало его взглядами.

– Что за тёмная история, милорд? – осторожно промурлыкала матушка затем, заинтересованно посмотрев на будущего свата.

– О, ничего особо интересного на самом деле. Это было давно, лет семь назад, в Ландэне. Тот человек обвинялся в неприятных вещах... впрочем, суд его оправдал. Да и вряд ли он действительно может иметь какое-либо отношение к контрабандисту, купившему поместье в глуши. – Казалось, лорд Чейнз рассуждает вслух. – Пустое. Не стоит портить ненужными грязными подробностями праздник нашей очаровательной имениннице. – Под его взглядом Бланш поёжилась. – И не будем больше об этом.

Однако я думала над его словами даже тогда, когда Том повёл меня туда, где на накрытых столах ждали пироги с рыбой и устрицами, белый суп с миндалём, говядина с карри, бараньи отбивные и другие блюда, наполнявшие зал аппетитными ароматами мяса и пряностей. Особенно когда, сев за стол, я нашла взглядом мистера Форбидена, непринуждённо беседовавшего о чём-то с соседями по месту.

Кто же ты, «корсар»? Чего хочешь от меня? И почему рядом с тобой я чувствую то, чего никогда не ощущала прежде?..

Качнув головой, я опустила взгляд в свою тарелку, тщетно стараясь вникнуть в трескотню Эмили и Бланш, хихикавших о чём-то рядом со мной.

Ох, надеюсь, я не зря решилась на это завтрашнее безумство.

Впрочем, если на нашей прогулке мой спутник вдруг возжелает не только разговоров о Шекспире, – ему придётся учесть, что я не просто так назвала своего коня Ветром.

Глава девятая, в которой Ребекку почти укрывает белая вуаль

Солнце нового дня, наконец пробившееся сквозь облака, застало нас с Томом в саду Грейфилда.

Впервые за все последние дни ветер разорвал тучи на лоскутки, сквозь которые проглядывала чистая лазурь. Мы прощались у пруда, и на тёмной ряби вод белым конфетти дрожали цветочные лепестки яблоневого аллеи, принесённые сюда ветром; Том уезжал в Ландэн, чтобы подготовить всё к свадьбе, но обещал вернуться через две недели.

– ...твоя матушка снабдила меня мерками, но мне придётся хорошенько постараться, чтобы платье угодило её взыскательным вкусам. – Том скорчил смешную рожицу, совсем как в детстве, и я прыснула. – Ты, полагаю, с большим удовольствием пошла бы к алтарю хоть в этом. Если, конечно, до алтаря всё же дойдёт. – Он резко посерьёзnel: – Ты ещё не приняла никакого решения?

Помедлив, я качнула головой.

По правде говоря, его отъезд сильно осложнял принятие этого решения. Я как-то не учла, что с этой свадьбой Том не сможет постоянно быть рядом. А я, соответственно, не смогу осторожно прощупать почву, дабы убедиться в серьёзности его самоубийственных намерений... или убедить его, что это сушая глупость.

В ответ на моё движение его взгляд окрасила странная смесь печали и облегчения.

– Если примешь, пока меня не будет, напиши мне. Каким бы оно ни было. – Он помолчал. – Когда ты вальсировала вчера... ты была так прекрасна. Словно светила изнутри. Никогда раньше не видел тебя такой. – Взяв мои руки в свои, Том пытливо заглянул мне в глаза. – Этот человек, мистер Форбиден... неужели он нравится тебе?

Только этого не хватало: давать моему жениху ответ на вопрос, о котором я и сама боялась думать.

– Я полностью согласна с отцом. Он показался мне весьма интересным собеседником, – сдержанно ответила я, не покривив душой.

Впрочем, от Тома уклончивость моего ответа не укрывалась.

– Рад, если только так. – Не отводя взгляда, он крепче сжал мои руки. – Я не имею никакого права указывать тебе. И хотел сказать, что, если ты решишь связать свою жизнь не со мной, я приму любого твоего избранника, но... я не хотел бы, чтобы это был мистер Форбиден.

Я молча смотрела на него, надеясь, что щёки мои не заалеют от смущения.

– Он не подходит тебе ни по возрасту, ни по положению, – продолжил Том, – и меня пугает одна мысль о том, какими могут быть его намерения по отношению к тебе. А даже если его намерения окажутся благородными, в чём я сильно сомневаюсь, твои родители никогда не дадут согласия на этот брак.

– Том, зачем ты говоришь мне всё это? – не выдержав, сухо осведомилась я. – Я думать не думала о браке или каких-либо отношениях с мистером Форбиденом.

И снова не покривила душой.

Об этом я действительно совершенно не думала.

– Говорю, чтобы ты помнила об этом, если вдруг... Впрочем, и в самом деле. Что это я? – Том издал короткий смешок. – Ты куда умнее меня, чтобы позволить какому-то проходимцу заморочить себе голову. Просто... будь с ним осторожнее, ладно? – Он тяжело вздохнул. – Мне не нравится, как он смотрит на тебя. И то, что отец сказал вчера... Я пытался расспросить его подробнее, но ты же знаешь моего отца.

– Ещё бы. Дай-ка угадаю – это было всё равно что пытаться разговорить могильный камень.

Том рассмеялся вместе со мной:

– Именно.

– Наверное, никогда не забуду, как ты пытал его о причинах стремительного увольнения вашего прежнего управляющего.

К моему удивлению, друг нахмурился:

– Когда это было?

– Ты не помнишь? И у кого из нас двоих девичья память? – Я фыркнула. – На последнем балу в честь Имболка¹⁵. Ты долго ходил кругами вокруг этой темы, я помогала, чем могла. До сих пор придерживаюсь мнения, что после десятилетий верной службы управляющие не начинают воровать просто так; а спешно увольнять их по иной причине, да ещё чтобы они сбегали из особняка под покровом ночи... Но твой отец уходил от ответа, как та форель у Шуберта¹⁶, на которую ещё не нашёлся свой хитрый рыбак.

Хотя лорд Чейнз скорее сам напоминает того рыбака, добавила я про себя, вспомнив выражение лица графа на вчерашнем балу, с которым он смотрел на меня... и тут же сердито осекла сама себя. Это мистер Форбиден может говорить об отце моего друга всё что угодно: я не должна ни поддаваться провокациям незнакомца, ни позволять ему смущать мои мысли.

Том не ответил. Замерев в растерянном молчании, явно пытаясь мучительно вспомнить то, что было вроде бы не так давно.

Глядя в его застывшие, вперившиеся в одну точку, будто остекленевшие глаза, я почувствовала, что мне становится не по себе.

Провалы в памяти? В таком возрасте?.. Да нет, ерунда. В конце концов, каждый из нас порой забывает какие-то вещи.

– Впрочем, быть может, в Ландэне лорд Чейнз станет разговорчивее, – небрежно высказалась я, желая перевести тему. – Хотя, право, это не самая важная тема для бесед.

– Даже если он не захочет мне помочь, я попробую сам разузнать что-нибудь о том Гэбриэле Форбидене. Понять, как он связан с нашим новым соседом, – рассеянно произнёс Том. Моргнул – и в его взгляд, к моему облегчению, вернулся живой блеск. – Не верю, что это простое совпадение.

Я постаралась ничем не выказать своей крайней заинтересованности. Лишь бросила:

– Было бы неплохо.

Это и в самом деле было бы неплохо. Я не представляла, как вызнать у хозяина Хепберн-парка ответы на вопросы, которые так меня терзали, – хотя искренне надеялась, что предстоящая прогулка подкинет мне информации к размышлению. Но если Том вдруг узнает нечто важное...

– Сделаю, что в моих силах. В конце концов, мистер Форбиден здорово меня заинтриговал, а его умение обращаться с револьвером и правда меня восхитило. Даже интересно, где и как можно научиться тому же... хотя бы ради того, чтобы когда-нибудь ты подарила мне такой же взгляд, какой вчера подарила ему в тот миг, когда он прострелил последний туз. – Том прижал мою ладонь к губам. Прикрыл глаза. – О, Ребекка. Если ты всё же согласишься стать моей...

¹⁵ Один из четырёх основных праздников ирландского календаря, отмечаемый в феврале.

¹⁶ «Форель» – песня Франца Шуберта на стихи Кристиана Шубарта (пер. В. Костомарова). Лучи так ярко грели, вода ясна, тепла... Причудницы форели в ней мчатся, как стрела. Я сел на берег зыбкий и в сладком забытьи следил за резвой рыбкой, купавшейся в ручье. А тут же с длинной, гибкой лесой рыбак сидел, и с злобною улыбкой на рыбок он смотрел. «Покуда светел, ясен ручей, – подумал я, – Твой труд, рыбак, напрасен: видна леса твоя!» Но скучно стало плуту так долго ждать. Поток взмутит он, – в ту же минуту уж дрогнул поплавок; Он дёрнул прут свой гибкий, – а рыбка бьётся там... Он снял её с улыбкой, я волю дал слезам.

В словах – тихих, угасших в судорожном вдохе, – прозвучал какой-то тоскливый трепет, и мне разом сделалось грустно.

Странно. Мы стоим так близко, и его губы касаются моей руки... и эта близость не вызывает во мне и тени того приятного волнения, что дарил вчерашний вальс. Но зачем я сравниваю эти вещи? Том прав во всём, что он сказал про мистера Форбидена. А если вспомнить о тех вещах, в которых я сама подозревала хозяина Хепберн-парка, мои мысли и чувства по отношению к нему покажутся сущим безумством.

Будем надеяться, наше сегодняшнее свидание станет первым и последним. И не по той причине, что я с него не вернусь. Даже если сегодня я ничего не узнаю, разумнее будет просто дожидаться возвращения Тома, который наверняка привезёт мне любопытные известия. Я знала своего друга: если он хочет что-то разузнать, то приложит все усилия, чтобы этого добиться.

А потом мы с Томом всё-таки простились, и, проводив его, я отправилась переоблачаться в амазонку... по дороге не забыв заглянуть в ящичек со столовым серебром.

Когда Ветер прорысил к условленному перекрёстку, нас уже ждали.

– Мисс Лочестер. – Мистер Форбиден, верхом на своём вороном коне, нетерпеливо гарцующем, вежливо приподнял шляпу. Окинул меня взглядом. – Вы всё-таки здесь.

Судя по этому взгляду, увиденное ему понравилось, хотя амазонку я выбрала чёрную, простую и строгую: из практичной шерстяной ткани, с юбкой не слишком пышной и не слишком длинной, чтобы позволить мне спокойно спешиваться без посторонней помощи. Синяя газовая вуаль летела по ветру за моей шляпкой-цилиндром. Я с удовольствием обошлась бы без шляпки – и частенько обходилась, – но сегодня за моими сборами присматривала матушка, а она ни за что не отпустила бы меня, не приведя в вид, подобающий истинной леди.

Знала бы она, что иногда, когда никто видит, я позволяю себе такую возмутительную вещь, как сидеть в седле на мужской манер, ибо так скакать галопом куда удобнее...

– Я же обещала.

– Женские обещания – слова, брошенные на ветер. Жизнь не раз убедительно мне это доказывала. Впрочем, рад, что вы снова оказываетесь приятным исключением из правил. – Мистер Форбиден резко развернул коня. – Следуйте за мной.

Когда он порысил по дороге, ведущей к лесу рядом с Хепберн-парком, я настороженно подстегнула Ветра, чтобы поравняться с ним.

– Куда мы?

– В одно любопытное местечко, обнаруженное мной на территории поместья. – Мистер Форбиден указал хлыстом на ели и сосны, подступавшие к особняку, черневшему вдали. – Полагаю, вы нечасто бывали там раньше?

– Нет. Мы были в особняке леди Хепберн пару раз, но наши семейства не слишком близко общались.

– Понимаю. Разница положений как-никак. Хорошо, что Чейнзов это никогда не смущало. – Мистер Форбиден повернул голову, взглянув на меня с задумчивой хитрецой: – Не находите это интересным?

– Что именно?

– Энигмейл – далеко не лучшее из их поместий, и, насколько я знаю, из всех имений Чейнзов оно дальше всего от Ландэна. Однако бо́льшую часть года Чейнзы проводят именно здесь, а ведь у графа Кэрноу должна быть некая веская причина переселиться в подобную глушь... хотя не отрицаю, что они просто могут быть без ума от здешних пейзажей.

Его речи были разумными. Когда-то я даже задавала Тому – ещё маленькому – вопрос, почему всем своим имениям они с отцом предпочитают Энигмейл. Мне смущённо ответили, что графу слишком дороги воспоминания о счастливых днях, которые он провёл тут с супругой, умершей, рожая их единственного наследника, появившегося на свет раньше срока.

Но пересказывать это хозяину Хепберн-парка я не собиралась.

– То же самое можно сказать и о вас, мистер Форбиден, – почти вкрадчиво заметила я вместо этого. – Вы ведь зачем-то купили имение в подобной глуши. И, судя по всему, здешние пейзажи не произвели на вас особого впечатления.

– Нет, – откликнулся тот, ничуть не смутившись. – У меня как раз была веская причина.

– Какая же?

Он только улыбнулся.

Впрочем, я и не ожидала, что всё будет так легко.

– Вы ведь не настолько наивны, мисс Лочестер, чтобы не представлять, чем может обернуться для вас эта прогулка, – мягко произнёс мистер Форбиден, пока наши кони мерили копытами дорогу, грязную после недавних дождей. – Но всё равно согласились. И всё равно приехали. Почему?

Какое-то время я смотрела на быстро приближающийся лес, ощущая некоей помехой нож, притаившийся под юбкой в голенище моего сапога. Обычный серебряный столовый нож, лезвие которого я обернула тряпицей, чтобы не порезаться.

Но об этом рассказывать хозяину Хепберн-парка я, естественно, тоже не собиралась.

Что он имеет в виду? Осуждение семьи и общества? То, от чего берегут невинных дев почтенные матроны? Или?..

Что ж, по крайней мере, он откровенен со мной. Относительно. Эта откровенность немного успокаивала, но одновременно лишь подогревала мой азарт. Если бы он ни слова не сказал о своих намерениях – вполне возможно, что перед въездом в лес я бы просто развернулась и трусливо поскакала домой.

Однако...

– Разве я могла устоять перед соблазном поговорить о Шекспире? – безмятежно улыбнувшись в ответ, откликнулась я.

Он прищурил один глаз. Глядя на меня так, будто снова целился из револьвера.

Под этим взглядом мне сделалось не по себе, – но я не отвернулась, надеясь, что сейчас мои глаза выглядят достаточно большими и наивными.

– Вот как, – промолвил мистер Форбиден. Удобнее перехватив хлыст, усмехнулся каким-то своим мыслям. – Что ж, и беседы о Шекспире могут быть весьма... приятными.

Что в усмешке, что в словах мне почудился некий скрытый, смущающий смысл – и я предпочла не думать, какой именно.

– А где же ваш волк? – спросила я, дабы сменить тему.

– Я взял бы его на эту прогулку, но утром он отправился гулять сам по себе и не успел вернуться домой. – Въезжая под сень елей, мистер Форбиден подстегнул коня. – Теперь не отставайте.

Когда он помчался вперёд, я озадаченно погналась за ним. Впрочем, спустя некоторое время озадаченность исчезла, растворившись в пьянящем, так любимом мною ощущении быстрой скачки. Воздух пах хвоей и влажностью, в солнечных лучах нежная зелень молодых иголок казалась восхитительно яркой и свежей.

Какое-то время мы ещё скакали по дороге. Потом, всё-таки замедлив ход, мистер Форбиден свернул на узкую тропинку, уводящую в чащу.

В чащу...

На миг я ощутила себя героиней сказки про некую девочку, путившуюся отнести гостинцы больной бабушке.

– Не отставайте, мисс Лочестер, – на миг притормозив, бросил мистер Форбиден через плечо. – Если, конечно, не решили отступить от цели.

В этом я тоже прочла намёк – и, упрямо прикусив губу, направила Ветра на тропу, абсолютно не понимая, что заставляет меня делать это.

Интересно, бабочки чувствуют то же, когда летят на огонь?..

Мы ехали рысью среди сосен и елей, по узкой тропе, плавно спускающейся вниз, порой огибая мшистые валуны, пока вдали не послышался шум воды. Вскоре склон стал круче, и тогда деревья расступились: тропа вывела нас к мелкой широкой речке, несущей прозрачные воды по каменным порогам.

– Это та же река, что у нас в Грейфилде? – любясь солнечными бликами, тающими в её быстром течении, спросила я.

– Да. Однако нам с вами нужно чуть дальше.

Мистер Форбиден направил коня вдоль реки, по её крутому скалистому берегу, поросшему маленькими кривыми ёлочками, изогнувшимися так, что стволы их нависали над самой водой. Мы с Ветром снова порысили следом. Прислушавшись к далёкому шуму, я начала смутно догадываться, что именно мне хотят показать, – и пару минут спустя мы действительно выехали к водопаду.

Он был широким, как и река, срывающимся с обрыва в небольшое озерцо, примостившееся в подобию полукруглой каменной чаши с отвесными стенами из слоёных скал, окутанной водяной пылью. Там, где сверху падал речной поток, озеро было тёмным и глубоким, но дальше мельчало, снова обращаясь быстрой порожистой рекой. Я подвела Ветра к самому обрыву, с любопытством взглянув вниз, – и отшатнулась. Вроде бы невысокий, водопад явно был не ниже крыши моего родного Грейфилда, и от взгляда вниз сердце неприятно сжалось.

– «Белая вуаль», – негромко проговорил мистер Форбиден. – Так его называют. – Он указал хлыстом куда-то вперёд. – Оттуда открывается хороший вид... да и шума меньше.

Я покорно проследовала за ним по тропе, вившейся по самому краю обрыва, глядя, как вода под нами искрится на свету. Никакого спуска вниз я не заметила. Когда мы оказались достаточно далеко от водопада – там, где озеро перетекало в реку, столь мелкую и прозрачную, что я без труда видела крупную гальку на её дне, – мистер Форбиден, остановившись, наконец спешил. Я же, развернув Ветра, взглянула на то, что мы оставили позади. Отсюда видно было, что струи воды сливаются в сплошной поток, действительно похожий на волшебную вуаль из белого газа: плотного и текучего, сотканного из мириада крохотных жидких жемчужин, непрерывно сыпавшихся вниз.

Вдоволь налюбовавшись прекрасным зрелищем, я снова взглянула на моего спутника и обнаружила, что мистер Форбиден уже набросил повод своего коня на ближайшую низкорослую ёлочку, а теперь подошёл ко мне, протягивая руку, предлагая помощь. Он снял шляпу и перчатки, и те лежали на мшистом камне неподалёку, по соседству с его хлыстом.

Вполне естественный и учтивый жест заставил меня настороженно сжать пальцами поводья.

Стоит мне спешиться...

Стоит сойти с коня, который всегда может унести меня прочь...

– Что с вами, мисс Лочестер? – Во взгляде и голосе «корсара» плескалась нескрываемая насмешка. – Никак, вы боитесь меня?

Солнце, скрывшись за тучами, обесцветило краски, стусив вокруг невыразительную серость.

Наверное, именно эта насмешка заставила меня всё же протянуть руку в ответ. Или странное, почти гипнотическое воздействие этих фоморских разноцветных глаз. Или моя смехотворная уверенность в том, что нож в сапоге действительно сможет меня спасти. Как бы там ни было, я приняла его ладонь и подалась вперёд, чтобы всё-таки спешиться; но когда я уже

почти выскользнула из седла, другая его рука вдруг обвила мою талию. Меня аккуратно сняли с коня и поставили на землю, так легко, точно я ничего не весила... и внезапно мы оказались даже ближе, чем на последних мгновениях вчерашнего вальса.

Только вот сегодня рядом не было никого, кто заставил бы его отступить. И пальцы, придерживавшие меня в собственнических объятиях – куда крепче, чем вчера, – не спешили меня отпустить.

Я замерла, вскинув голову, чувствуя, как бешено колотится сердце. Мой спутник улыбался, прижимая меня к себе; его глаза были так близко, что я могла разглядеть кружева серебристых светлых разводов на голубой радужке и крапинки зеленоватых – на карей.

И он смотрел на меня взглядом хищника, который, завидев лань, пытается понять, голоден он или нет.

«Пустите», – хотела сказать я.

Слова потерялись где-то на пересохших губах.

Умница, Ребекка. Хотела знать, чего он хочет от тебя? Готова была зайти так далеко, чтобы тебе представилась подобная возможность? Поздравляю, представилась. И как теперь ты достанешь свой нож, куда побежишь с подгибающимися коленями?..

Даже если кто-то захотел бы пройтись по лесной чаще – здесь, рядом с водопадом, за речным шумом никто не услышит мой крик. И «Белая вуаль» может стать для меня погребальной.

Среди времени, исчезнувшем и растворившемся в плеске воды, среди мгновений, напoенных смятением и размывшихся в бесконечность, мистер Форбиден наконец разомкнул губы.

– Ваш любимый сонет Шекспира, – произнёс он.

Слова обожгли мне щёки – вместе с его дыханием. Они были негромкими и мягкими, в них таились мурлыкающая хрипотца и бархатная нежность.

Смысл их не сразу дошёл до меня.

– Ваш любимый сонет Шекспира, мисс Лочестер, – не выпуская меня из объятий, повторил мистер Форбиден в ответ на моё изумлённое, недоверчивое молчание. – Прочтите его. Мы ведь приехали сюда говорить о Шекспире, если не ошибаюсь.

Мы стояли в пародии на вальсовую позицию, так, словно вот-вот снова закружимся в танце над воздухом и водой: одна его рука сжимает мою, другая лежит на спине... правда, куда ниже, чем положено для вальса.

И объятия наши куда теснее.

Он *действительно* хочет, чтобы я читала Шекспира? Вместо предсмертной молитвы, надо думать?

«Пустите меня», – снова хотела сказать я – и снова не смогла.

Лучше делать, что он говорит. Усыпить его бдительность. Пока кот не выпускает когти, придерживая пойманную мышь мягкими лапками, но стоит мышке взбрыкнуть, попытаться бежать...

Под его неотрывным взглядом я медленно облизнула сухие губы.

Понимание, что именно я должна прочесть, пришло мгновенно.

– *Кто может вред нанести, но всё же не вредит*, – в моём тихом голосе почему-то тоже пробила хрипотца, – *не делает того, о чём лишь говорит*...

Вернувшееся солнце полыхнуло в его зрачках жаркими искрами, высветило ярче кружева на радужках. Впрочем, нет, не кружева: острые грани зелёного бриллианта и голубого топаза.

– *Кто, возбудив других, холодным остаётся, и на соблазн нейдёт, и злу не поддаётся*...

В его глазах растаяли серебристый воздух и бледная морская лазурь, земля цвета жжёного сахара и зелень трав... но взгляд этих глаз был огнём. Пламенем, обжигающим и манящим, приглушённым и сдерживаемым.

Я внезапно осознала, что вовсе не страх подкашивает мне ноги и сбивает дыхание. Опасения диктовал мне разум, но не сердце. А то, что я чувствую... страха в этом было не больше,

чем когда ты несёшься вскачь, пытаешься перегнать ветер, или прыгаешь в воду с высоты, или замираешь на качелях в точке перед началом падения. Тот страх, что разливается в крови приятным волнением, пленительным и острым удовольствием риска.

Впрочем, само осознание этого факта должно было бы меня испугать.

– *В наследство тот берёт небесные красоты...*

– И не кладёт даров природы на весы, – вдруг негромко подхватил мистер Форбиден. – Он внешности своей...

– Хозяин, – прошептала я, глядя на него, когда он оборвал фразу выжидающей паузой. – И властитель.

Его улыбку окрасило странное веселье – прежде, чем он заговорил вновь, заканчивая катрен:

– *Тогда как в большинстве всяк лишь её хранитель*¹⁷. – Он помолчал, словно в раздумьях, глядя на меня так, будто прочёл в моём лице ответ на вопрос, давно его терзавший. – Да... старина Уильям всё же был фоморски мудр.

Пальцы на моей талии скользнули чуть ниже, намёком на ласку... прежде, чем разжаться.

Выпустив меня из плена своих рук, мистер Форбиден отступил на шаг. Отвернулся.

– Девяносто четвёртый, значит, – изрёк он, подбирая с камня свой хлыст. Из его голоса исчез всякий намёк на мурлыкающие нотки, звучавшие в нём только что. – Мне больше по душе шестьдесят шестой, но о вкусах не спорят. – Стряхнув хвою с соседнего валуна, большого и плоского, словно каменный табурет, мистер Форбиден невозмутимо указал на него, явно предлагая мне сесть. – А вы верны себе, мисс Лочестер. Обычно женщины предпочитают философской лирике стихи, посвящённые любовным терзаниям. Конечно, и вы падки на романтику, но ровно в нужной мере, чтобы не превратиться в того рода инженерю, от приторности которых зубы слипаются лучше, чем от ирисок.

Я стояла, пытаюсь выровнять дыхание. Обескураженная, растерянная, непонимающая.

Я знала, что мне следует немедленно вспрыгнуть на Ветра и уехать. С точки зрения матушки – предварительно отвесив мистеру Форбидену пощёчину за непристойное поведение. С точки зрения здравого смысла – без этого, ибо пощёчина потенциальному оборотню и кровавому убийце может слишком дорого обойтись.

Но он говорил со мной ровно так, как раньше, и вёл себя так спокойно, словно ничего не произошло.

Так, что впору было думать, будто происходившее минуту назад мне просто померещилось.

– Считаете меня инженерю? – почти непроизвольно спросила я.

– Естественно, считаю. И вы достаточно умны, чтобы понимать, что я прав, и достаточно хитры, чтобы порой пытаться казаться наивнее, чем вы есть на самом деле. В действительности вы ещё и сама себе субретка¹⁸. Это, должно быть, и делает вас такой привлекательной в глазах тех, кто даже сладости предпочитает с перчинкой. – Он указал хлыстом на камень: повелительным, не терпящим возражений жестом. – Присаживайтесь, мисс Лочестер. К слову, об инженерю. Вы наградили Ромео весьма красочными эпитетами, и, полагая, ждать от вас добрых слов о Джульетте или Офелии тоже не стоит.

Я не должна была подчиняться. Я должна была уезжать, прямо сейчас, пока мне предоставили шанс. Я знала это. Особенно учитывая, что ко мне уже вернулись и трезвость мысли, и самообладание.

Но почему-то, привязав Ветра к ближайшей сосне, я подчинилась.

¹⁷ У. Шекспир. Сонет 94 (пер. Н.В. Гербеля).

¹⁸ Актёрские амплуа. Инженю – нежная и наивная девушка; субретка – бойкая, остроумная, находчивая служанка, которая часто является доверенным лицом героини-инженю и помогает ей в любовных интригах.

В конце концов, непохоже, что меня привезли сюда для тех целей, о которых я думала. Для осуществления этих целей «корсару» уже предоставили все условия, однако вот она я, живая и невредимая. И пусть коты любят играть с мышками, прежде чем съесть их, – но я полагала, что подобные игры были бы куда интереснее разговоров о Шекспире. Впрочем, если я всё-таки попытаюсь убежать... кто знает, что он предпримет тогда.

Опускаясь на мягкий мох – чуть приподняв юбку, так, чтобы удобнее было быстро выхватить нож, – я сама понимала, насколько жалки оправдания, которыми я прикрываю жгучее нежелание прерывать эту встречу.

Бедная глупышка Ребекка. Слишком смелая, слишком гордая, слишком любопытная, чтобы позволить себе отступить сейчас, когда ты зашла уже так далеко. Вконец заигралась в бабочку, танцующую у открытого огня.

Или увязла в паутине, которой обернулся для тебя этот огонь.

Забавно. Он помог мне сойти с коня, потом я прочла ему сонет – в объятиях, немногим отличающихся от вальсовых. Все эти занятия по отдельности признаны вполне пристойными; однако в сочетании и обстановке, подобным этим...

– Не стоит, – небрежно подтвердила я, в свою очередь стягивая перчатки, наблюдая, как мой собеседник наконец позволяет себе сесть на камень по соседству. – Хотя если Джульетта вполне может удостоиться от меня одобрительных эпитетов, то Офелия, на мой взгляд, жалкое создание.

– Все те девушки, что проливают слёзы над её судьбой, и художники, что вдохновляются её образом для своих картин, с вами не согласились бы.

– А вы?

– Я, к счастью, не девушка и не художник, – заметил мистер Форбиден со смехом. – Вполне естественно, что я нахожу поэзию и красоту в совсем иных вещах. – Положив стек, перчатки и шляпу на колени, он с любопытством подпёр подбородок рукой. – Смерть Офелии – самоубийство или несчастный случай?

– Вы ждёте от меня ответа на вопрос, который вызывает нескончаемые споры вот уже два с половиной столетия?

– Боюсь, ответ мы услышим, лишь если кто-то из магов найдёт способ и смелость пригласить дух старины Уильяма для приятной беседы на спиритическом сеансе. Впрочем, не думаю, что этот смельчак стал бы провозглашать полученный ответ во всеуслышание, ибо ему вряд ли простят подобное святотатство. Так как?

– Не знаю, – честно сказала я, с некоторой досадой понимая, что всё моё недавнее напряжение бесследно исчезло. Не самое лучшее чувство, когда сидишь рядом с тем, в кого в любую минуту может понадобиться вонзить нож. – Я считаю её достаточно глупой и для того, и для другого. Могу только сказать, что умереть вот так, случайно, было бы совсем уж обидно.

– А что насчёт теории о её беременности от нашего принца датского?

Это было для меня в новинку, но я ответила, не задумываясь:

– Нет. Гамлет не вызывает у меня тёплых чувств, однако подлецом он мне не показался.

– Не вызывает тёплых чувств? Как, неужели вы не прониклись его трагедией?

– Мне не близка его одержимость местью, пусть даже окрашенная сомнениями и меланхолией.

– И вы не преклоняетесь перед пылом его сыновних чувств? – иронично заметил мистер Форбиден. – Может, вы ещё не считаете мечь благородным делом? Но ведь эпоха просвещения уже миновала, а люди во все времена охотно следовали первобытному принципу «око за око».

– Мечь может только разрушать, и самого мстителя она разрушает в первую очередь. Деятельность Гамлета привела его к гибели, и за собой в могилу он утянул не только своего коварного дядюшку, но и многих хороших людей, а датский престол в результате перешёл к норвежскому правителю. Вряд ли подобное обращение с отцовским наследием можно счи-

тать правильным для кронпринца. – Внимательный взгляд собеседника я встречала спокойно, без всякого смущения. – Месть была его долгом, но Гамлет обязан был действовать тоньше и разумнее, не забывая и о другом своём долге. При текущем раскладе его смерть выглядит абсолютно логичной, не вызывая у меня никаких сожалений, ибо он сам отрезал себе все другие пути.

Когда в устремлённом на меня взгляде мелькнула тень некоего уважения, я ощутила себя куда более польщённой, чем от всех велеречивых комплиментов Тома в свой адрес.

– Не могу не согласиться, – мягко произнёс мистер Форбиден. – А что вы скажете о других мстителях этой печальной истории, о Лаэрте и Фортиnbrасе? Они, на ваш взгляд, заслужили свой финал?

И я ответила, а он ответил мне; и солнце медленно клонилось всё ближе к белой вуали падающих вод, пока мы говорили о Гамлете и короле Лире, о Макбете и Кориолане, о Ричарде Третьем и многих других. И в какой-то миг я остро осознала, что хозяин Хепберн-парка – тот, с кем я действительно общаюсь на одном языке, с кем могу говорить обо всём на свете, и говорить, что думаю, не подбирая слов, не сковывая себя никакими рамками. Кто, будучи гораздо умнее и мудрее меня, поощряет мою смелость и пытливость моего ума, задавая вопросы, которые мне не задавал и не задал бы никто другой.

Когда в какой-то момент он поднялся с камня, а я, опомнившись, увидела, что лес уже окутывают близящиеся сумерки, ко мне пришло запоздалое понимание: я совершенно забыла и о времени, и о том, зачем в действительности отправилась на эту прогулку.

– Благодарю за беседу, мисс Лочестер, – проговорил мистер Форбиден, протягивая мне руку. – Она действительно вышла весьма приятной. Ваш долг уплачен сполна.

Я вновь принимала её с некоторой опаской, но мои пальцы отпустили сразу же, стоило мне встать на ноги.

– Что ж, вот и всё. – Он надел шляпу и отвернулся, глядя на водопад, поигрывая перчатками, которые не спешил снова натянуть. – Буду скучать по нашим беседам.

– Скучать?.. – спросила я, сама толком не зная, что именно желаю уточнить.

– Скучать. Не думаю, что я буду частым гостем в Грейфилде. А уж в Энигмейле, если вы всё же решитесь стать женой лорда Томаса, и подавно.

Я смотрела на его лицо, внезапно сделавшееся хмурым, пока все доводы, которые разум приводил мне и сейчас, и утром – в пользу того, почему это свидание должно стать первым и последним, – забывались в приступе внезапно нахлынувшей тоски.

– Жаль, – тихо произнесла я, не сдержав на губах слово, которое явно стоило бы сдержать.

Услышав это, мистер Форбиден снова посмотрел на меня. Долгим взглядом, в котором на сей раз не было ни улыбки, ни насмешки.

И хищности – тоже.

– Ребечка, поверьте: из всех, кого вы знаете, я – самая неподходящая компания для создания вроде вас, – промолвил он, и в интонации вдруг прорезалась горечь. – Помимо прочих моих недостатков, я старый порочный циник. Который позволил себе любезничать с вами. Который позволил себе стрелять в тот фоморов туз, чтобы отобрать у вашего законного жениха его законный танец. Который позволил себе вытащить вас на эту прогулку, способную вас погубить, и такие мысли, о которых вы при всём старании не сможете додуматься. – Резко отвернувшись, он взял своего коня под уздцы, чтобы повести по узкой тропе обратно к водопаду. – Вот что, мисс Лочестер. Забудьте всё, что я говорил вам о Чейнзах. Выбросьте из головы. Вы с Томасом будете хорошей парой, а лорд Чейнз просто по натуре нелюбезен и подозрителен. Желаю вам счастья.

Растерянно отвяжав Ветра, явно успевшего заскучать, я проследовала за хозяином Хепберн-парка по краю обрыва над озером.

– Но я не смогу, – зачем-то беспомощно сказала я, на ходу натягивая перчатки. – Если мне будут диктовать условия, которые окажутся мне...

– О нет. Сможете. Все женщины, в конце концов, не столь различны меж собой. Изнеженные создания, в которых лживость заложена самой природой, ради удобств и роскоши способные смириться с кем и чем угодно, а ради денег и красивых побрякушек – выйти за того, кого вы готовы в лучшем случае терпеть. – Пренебрежение, зазвучавшее в его словах, ошеломило меня в той же степени, что и задело. – Если поначалу вы и попытаетесь бунтовать, через год-другой уже смиритесь. Следом заведёте себе любовника, который будет вам милее законного супруга. Вы достаточно умны, чтобы стать образцовой женой-изменщицей, которая не позволит никому вытащить на свет скелеты из своих шкафов, а ваш лорд Томас выглядит таким наивным и таким влюблённым, что обманывать его вам не составит труда.

– Я никогда не...

– Правда? – Замерев, мистер Форбиден круто развернулся, глядя на меня с таким едким скептицизмом, что мне стало почти больно. – Вы уже сейчас тайком от него сбежали к другому мужчине, обманывая того, чьей женой пообещали стать. И будь на моём месте кто-то другой... – Он ядовито усмехнулся; мы уже подошли к самому водопаду, но его голос без труда перекрывал шум «Белой вуали». – Пока причины вашего обмана невинны, но стоит вам познать грязь и искушения жизни, обманы ваши также станут искушённые. А все ваши разговоры о бунте и побеге – детские грёзы, абсолютно пустые, которые ни к чему не приведут.

Казалось, даже его хлыст не ударил бы меня сильнее.

– Это вы так думаете, – сказала я, пока вместе с обидой во мне стремительно закипала возмущённая ярость, застилавшая глаза, мешавшая думать и дышать.

– Да ну? – Хлыст рассёк воздух, указывая на обрыв водопада за моей спиной. – Вас испугала даже эта высота, мисс Лочестер, а ведь прыжок в вольную жизнь куда страшнее и серьёзнее, чем прыжок отсюда. Пусть в душе вы бунтарка и свободолюбивая дикая птичка, однако одновременно остаётесь девочкой-аристократкой, не знавшей нужды. Нежным цветочком, взлелеянным родителями в тепле и уюте. И я ручаюсь, что вы не способны...

Конца фразы я уже не услышала.

Потому что, гневно отшвырнув повод, подобрала юбку – и, стремительно шагнув к обрыву, оттолкнулась от края, прыгая вниз.

Злость заглушила и страх, и негодующие крики здравого смысла. Осталось лишь ощущение падения, от которого захватывало дух. Оно длилось пару томительных секунд, пронизанных каплями воды и солнечными лучами, подаривших свободу полёта: свободу от чувств, свободу от гнева, свободу от странной, болезненной симпатии к тому, кому я никак не должна была симпатизировать. Потом ледяная гладь озера хлестнула меня даже сквозь одежду – и сомкнулась над моей головой. Взмахнув руками, я выплыла наверх, глотнула воздух, но намокшая амазонка вновь потащила меня под воду. Казалось, вместо ткани меня облили тяжёлым металлом.

Прежде чем погрузиться под озёрную поверхность, я успела увидеть, как сверху, отчётливо чернея на фоне белого водопада, ласточкой летит вниз знакомый силуэт.

Одежда и бурное течение близкого водопада тянули ко дну. Вода была такой холодной, что у меня заныли кости; во вкрадчивой, давящей на уши тишине, царившей под водой, я слышала лишь приглушённый рокот «Белой вуали», бьющей по поверхности неподалёку от меня. Отчаянно и упрямо барахтаясь, я всё же вырвалась из мертвенных объятий этой тишины – и немедленно угодила в другие объятия.

– Вы с ума сошли?! – Одной рукой мистер Форбиден привлёк меня к себе, другой не прекращая грести. Он казался столь же ошеломлённым, сколь и сердитым. – Вспомнили об Офелии и решили повторить её судьбу?

Я попыталась вырваться из его железной хватки, чтобы плыть самостоятельно, но тщетно. Меня держали слишком крепко, неумолимо и непреклонно увлекая к скалистому берегу. Краем глаза я увидела впереди свою шляпку, сиротливо уплывавшую по реке, струившейся дальше сквозь лес.

Достигнув мелководья, мистер Форбиден встал, опершись ногами о дно. Перед прыжком он успел скинуть сюртук, оставшись в жилете и рубашке, теперь липнувшей к телу; чёрный платок, которым он обвязывал шею, висел мокрой тряпкой, брюки, заправленные в высокие сапоги, облепили ноги. Я тоже попыталась встать, но скользкая галька дна и мокрая юбка, сделавшаяся несносно длинной и тяжёлой, в равной мере не позволили мне этого сделать. Впрочем, в следующий миг меня бесцеремонно подхватили на руки. Я уже не сопротивлялась: все силы уходили в крупную дрожь, которой тело пыталось противиться холоду.

Рассекая сапогами прозрачную воду, неведомым образом удерживая равновесие даже со мной на руках, мистер Форбиден вынес меня на берег. Здесь каменные стены, окружавшие озеро, становились ниже, а отвесный обрыв немного отступал от воды, и от слоёных каменных стен озёрную гладь отделяло некое подобие маленького пляжа. Меня усадили на валун, зелёный мхом на берегу, и, сев рядом, взяли за плечи, пристально заглянув в глаза.

– Ребекка, зачем вы сделали это? – Голос «корсара» был мягким и непонимающим. – Что на вас...

Казалось, этот вопрос заставил прорваться плотину, сдерживавшую всё, что мне хотелось сказать.

– Я ничего не боюсь! – в какой-то детской обиде выкрикнула я ему в лицо. Дёрнулась, но пальцы, лежавшие на моих плечах, были слишком сильны. – Я не лгала Тому! Я не давала ему ни согласия, ни обещаний, и пока наша помолвка – фикция, на которую я согласилась лишь потому, что мне страшно за него! А пока я свободна или хотя бы считаю себя таковой, я имею право видаться и разговаривать с кем хочу, даже с такой сомнительной личностью, как вы, если мне это интересно! Потому что не желаю, чтобы каждой моей встречей, каждым разговором, каждой минутой моей жизни за меня распоряжались посторонние, ведь это *моя* жизнь! – Я вновь рванулась, яростно и прямо глядя на него. – Я никогда не стала бы лгать тому, кого люблю, но я не люблю Тома, и он знает это. И это не мешает мне стать его женой и родить ему детей, если я пойму, что без меня он погибнет, и я буду верна ему и после свадьбы никогда даже не посмотрю на другого! Не смейте судить, на что я способна, слышите?! Вы ничего обо мне не знаете, ничего, ничего!

Я смолкла, тяжело дыша, пока губы мои дрожали, я и сама не понимала, от обиды или от холода.

Замерла – когда одна его рука, наконец разжавшись, коснулась моего лица.

Бережно и аккуратно мистер Форбиден убрал с моего лица растрепавшиеся волосы, прилипшие к коже мокрыми прядями. На пару мгновений прижал ладонь к моей щеке, глядя на меня, и в этом взгляде читалась странная щемящая нежность.

Будто он смотрел на нечто столь же прекрасное, сколь и хрупкое.

– Теперь знаю немножко больше, – проговорил он вполголоса. Опустив ладонь, поднялся на ноги. – Простите меня, Ребекка. Простите, если сможете. Я не имел никакого права ни вешать на вас чужие грехи, ни говорить то, что я сказал. – Он снова подхватил меня с камня, чтобы понести вдоль берега реки. – Пойдёмте. Надо найти способ вернуться наверх. Будем надеяться, наши кони не успеют убежать.

Я молча прижалась щекой к его мокрому холодному плечу. Позволяя удобнее устроить себя на руках, чувствуя, как бездумье гнева уступает место стыдливому осознанию того, что я сделала... от которого впору было хвататься за голову.

Ну и пусть. Я не дам приписывать себе ни трусость, ни другие вещи, обвинения в которых я не заслужила. И прыжок с водопада – далеко не самое глупое, что я натворила за сегодняшний день.

Я действительно веду себя абсолютно неприлично. Совершенно теряю голову, когда дело касается этого странного человека. Пора положить этому конец и забыть обо всех моих играх в сыщика – тоже.

Он прав. Отныне мы едва ли будем видеться часто.

Оно и к лучшему.

В конце концов мистер Форбиден всё же нашёл подъём наверх, в том месте, где скалистый склон совсем снизился. Взобравшись на него, хозяин Хепберн-парка понёс меня под сенью елей, в сумерках, за время этого приключения успевших сгуститься, и вскоре мы уже вернулись к тем камням, где совсем недавно мирно беседовали. Оттуда до места, с которого я прыгнула и где теперь лежали на земле вещи «корсара» – сюртук, шляпа, хлыст и перчатки, – было уже совсем близко. Сюртук, сухой и восхитительно тёплый в сравнении с промокшей одеждой, мистер Форбиден незамедлительно набросил мне на плечи; к счастью, кони убрели недалеко, и мы быстро их нашли.

Мой спутник помог мне взобраться на Ветра и, сам вспрыгнув в седло, коротко бросил:

– Едем в Хепберн-парк. Вашей одежде нужно высохнуть, а вам – немедленно согреться.

– Нет, – перехватывая повод поудобнее, устало отрезала я. Стащив с плеч сюртук, кинула предмет одежды её законному владельцу, не замедлившему ловко его поймать. – Я еду домой. До Грейфилда не так уж далеко, Ветер донесёт меня быстро.

– А что скажете родителям? Чем объясните ваш вид?

– Скажу, что Ветер взбрыкнул и я упала в реку.

– Мисс Лочестер...

– Прощайте, мистер Форбиден, – отрывисто произнесла я, разворачивая коня. – Полагаю, обратную дорогу я найду сама.

Меня остановило мягкое, почти проникновенное:

– Ребекка.

Я не хотела ни останавливаться, ни оборачиваться. И, наверное, не должна была.

Но всё-таки обернулась.

Он пристально смотрел на меня. В угасающем свете весенних сумерек, окрашивавших лес вокруг в сизый и сиреневый, на лице его лежали загадочные тени.

– Я глубоко и незаслуженно оскорбил вас. И если вы не простите меня, я пойму, – проговорил мистер Форбиден. – Но если простите и вас минует воспаление лёгких, и вы вдруг захотите обсудить со мной что-нибудь ещё... – Он помолчал, словно колеблясь. – Завтра буду ждать вас на том же перекрёстке. В то же время.

Ничего не ответив, я подстегнула Ветра, чтобы помчаться вперёд по тропе, пока ещё отчётливо различимой в медленно наступающей тьме.

Должно быть, бурю в матушкином лице смягчила гордость от мысли, что она распекает будущую супругу будущего графа Кэрноу. Во всяком случае, отчитали меня не так сильно, как можно было ожидать. Да и последствий купания в ледяной воде я не заметила: видимо, всё же своевременно выпила зелье, которое отец когда-то приобрёл у целителя в Ландэне.

И по причине всего этого – а ещё, видимо, моей исключительной глупости, на которую я злилась, но с которой ничего не могла поделать, – на следующий день я сдержанно кивала мистеру Форбидену, подъезжая к треклятому перекрёстку.

– Рад видеть вас в добром здравии, мисс Лочестер. – Меня удостоили насмешливым поклоном. Вдали я заметила белый силуэт, неторопливо двигавшийся среди вересковых полей: на сей раз хозяин Хепберн-парка взял на прогулку своего волка. – Надеюсь, вы снова захватили нож. Не хотелось бы огорчаться при мысли, что ваше благоразумие пострадало после вчерашнего и моя личность вызывает у вас меньше сомнений, чем раньше.

Значит, заметил. Когда и как, не суть важно. Наверное, пока нёс меня вчера, его рука случайно нащупала твёрдую рукоять под юбкой. А может, и ещё раньше...

Впрочем, это ничего не меняет, – особенно учитывая, что нож действительно снова прятался в моём сапоге.

– Конечно, – кивнула я с самым невинным и серьёзным видом. – Вдруг мы обнаружим по пути яблоко, которое потребуете разрезать.

– В это время года – разве что символически. Впрочем, символические яблоки и правда то и дело встречаются у нас на пути. – Мистер Форбиден небрежно стегнул коня, направляя его по тропинке к лесу. – В другой раз можете обойтись без ножа. Даже если где-то нас будет поджидать настоящее яблоко, а не те многочисленные вещи, что оно символизирует, с удовольствием уступлю вам его целиком.

Та странная, деликатная, бережная нежность, пробившаяся в нём вчера, бесследно исчезла, уступив место привычной колкости его иронии... однако я уже видела, каким он может быть.

Это заинтриговало меня ещё больше.

– Благодарю. Но, как бы я ни любила яблоки, реальные и символические, мне совестно будет не поделиться, – невозмутимо парировала я. – К тому же предпочитаю есть их дольками.

В ответ хозяин Хепберн-парка улыбнулся. Тонко, с нотками удовольствия и предвкушения.

– Понимаю, – сказал он. – Подобными вещами нужно наслаждаться... не поглощая быстро, но вкушая медленно и со вкусом.

Ты знаешь, что я подозреваю тебя, думала я, глядя на эту улыбку. Наверное, даже знаешь в чём. А я знаю, что ты знаешь, и знаю, в чём ты можешь быть виновен. Однако тебе представилось уже несколько возможностей сделать со мной всё что угодно – и ты не воспользовался ими. А ещё ты заставил меня прыгнуть в водопад – и прыгнул за мной следом; ты сказал мне ужасные вещи – и извинился за них; ты назначил мне встречу – и пожалел об этом; ты настраивал меня против брака с Томом – и попытался опровергнуть всё, что говорил.

А ещё мне слишком нравятся наши встречи, чтобы я могла так просто отказаться от них или выбросить тебя из головы.

Я не знала, что за игру мы ведём. Знала лишь, что она мне по душе.

И пока я не могла и не хотела её прекращать.

– Итак, возвращаясь к Шекспиру, – молвил мистер Форбиден, и в голосе его зазвучало задумчивое веселье. – Выбираете Генриха Четвёртого, Пятого или Шестого?

Глава десятая, в которой звучат песни и домыслы

– ...Я не в восторге, конечно, что она бо́льшую часть времени проводит вне дома и совсем забросила рисование с музицированием, но длительные каждодневные прогулки идут ей на пользу, – довольно разглагольствовала матушка за партией в вист. – Всё лучше, чем чахнуть дома за очередной книгой.

– Да, Ребекка, тебе определённо полезно побольше дышать воздухом, – чинно согласилась миссис Лестер, выкладывая свою карту. – Похорошела, посвежела, прямо-таки сияешь! Ещё бы чуточку пополнить к тому времени, как Том увезёт тебя в Ландэн...

– Это всё оттого, что у неё скоро свадьба, маменька! – прощепетала Эмили, лучезарно глядя на меня. – Если бы мне суждено было обрести и такого прекрасного мужа, и такое прекрасное поместье, как Энигмейл, да ещё не одно...

– А мне в Энигмейле всегда становилось жутко, – возразила Бланш. – Он такой старый, что в нём наверняка водятся привидения. Хотя Хепберн-парк, несомненно, страшнее.

– Особенно при нынешнем хозяине, – не удержавшись, добавила матушка, покосившись на тот угол, где беседовали мужчины.

Я тоже посмотрела туда. В вист я играть отказалась, но сидела рядом, наблюдая, как играют другие дамы. Мужчины устроились в углу нашей гостиной, разговаривая о чём-то своём. Там были и мой отец, и мистер Лестер, и женишок Бланш, и мистер Хэтчер... и мистер Форбиден, которого папиными стараниями тоже не минуло приглашение в гости.

Как раз в этот миг хозяин Хепберн-парка, точно почуяв мой взгляд, повернул голову. Наши глаза встретились, вынудив меня всеми силами сдерживать смущённую улыбку.

С момента первой встречи у «Белой вуали» минуло уже десять дней – и каждый из этих десяти дарил мне новую. Каждое утро я твердила себе, что сегодня еду к заветному перекрёстку в последний раз, однако назавтра снова отправлялась туда. Я ни на йоту не приблизилась к разгадке тайны, волновавшей меня: мистер Форбиден всякий раз уходил от ответа на любой вопрос, касающийся его прошлого или причин переезда сюда.

Но, откровенно говоря, также ни на йоту об этом не жалела.

– ...может, она просто сбежала с каким-то проходимцем? – донёсся до меня озабоченный голос отца.

Не выдержав, я тихонько поднялась и приблизилась к камину. Там стояли кресла и софа, на которых разместились мужская половина сегодняшнего дружеского собрания соседей. Они что-то увлечённо обсуждали, и им не мешали даже старания Элизабет, самозабвенно игравшей на рояле очередную популярную мелодию из очередной популярной оперы; пальцы её, порхая по клавишам, блестяще рассыпали музыкальный бисер сложнейших пассажей.

– Я знаю Кэти, – покачал головой мистер Хэтчер. – Это совершенно не в её характере. Нет, боюсь, нам стоит ожидать худшего. Не понимаю, кто и как...

В этот миг он заметил меня – и осёкся.

– Что случилось? – встревоженно проговорила я, беря отца под руку.

Тот смущённо покосился в сторону стола, за которым дамы играли в вист.

Видимо, этот разговор не был предназначен для ушей трепетной юной девы.

– Ребекка, не считите за грубость, но лучше возвращайтесь к вашим картам, – важно проговорил Джон Лестер, расточая привычный елей своей улыбки. – Мы обсуждаем вещи, которые не пристало слышать прекрасным созданиям с хрупким душевным складом.

– Правда? Тогда вам крупно повезло, что я никогда не славилась ничем из вами перечисленного, и можно продолжать беседу без опаски. – Краем глаза заметив усмешку мистера Форбидена, я нетерпеливо взглянула на мистера Хэтчера: – Что произошло?

Начальник хэйлской стражи, колеблясь, посмотрел на отца. Тот хмуро кивнул.

– В Хэйле пропала девушка, – произнёс тогда мистер Хэтчер. – Дочь одного из стражников. Она отправилась спать, а утром её семья обнаружила пустую спальню с раскрытым окном. Ни крови, ни следов борьбы. Ничего.

Во взглядах остальных джентльменов – кроме мистера Форбидена, конечно, – сквозило явное неодобрение того факта, что я всё же слушаю подобный рассказ, но мне было всё равно.

– Может, она в самом деле сбежала?

– При побеге ей действительно удобнее всего было бы покинуть дом через окно – её спальня на первом этаже, – и она явно открыла его сама, изнутри... но все её вещи на месте. Во всяком случае, её мать утверждает именно это. При таком раскладе Кэти должна была уйти из дома в одной ночной рубашке.

Я озадаченно посмотрела на отца.

– Очень странно, – проговорила я. – При подобных обстоятельствах каторжники, о которых вы рассказывали, едва ли могут быть причастны, а кроме них...

И осеклась, удержавшись от того, чтобы посмотреть на мистера Форбидена, опасаясь, что выдам слишком многое этим взглядом.

С момента той, самой первой, нашей прогулки мой спутник больше не позволял себе ничего, что выходило бы за рамки приличий. Когда мне нужно было спешиться, он снимал меня с седла – и потом подсаживал в него, он подавал мне руку, помогая встать... но всегда отпускал сразу же, позволяя себе разве что миг промедления. Изредка я ловила тень нежности в его взгляде, куда чаще – некую двусмысленность в словах, но и только. И хоть нечто внутри меня вскоре начало робко шептать, что мне нечего опасаться, я не теряла бдительности, продолжая исправно брать с собой нож.

Может ли быть, что его внутренний зверь, которого он сдерживал со мной, в итоге проголодался настолько, что решил удовлетворить свой голод в ином месте? Конечно, раскрытое окно и бесследное исчезновение не особо походили на привычки, присущие оборотням. С другой стороны, памятуя, какое воздействие разноцветные глаза мистера Форбидена оказывали на меня, и учитывая, что до недавних пор я встречала оборотней лишь на страницах романов да страшных сказок, – впору было поверить, что книги несколько преуменьшали их силы, а в реальности им был подвластен ещё и гипноз, как вампирам.

– Да, у нас тоже нет никаких догадок, кто мог похитить её, если она всё же исчезла не по собственной воле, – тяжело вздохнул мистер Хэтчер, истолковав моё молчание по-своему. – И зачем.

Не выдержав, я всё-таки взглянула на мистера Форбидена. Украдкой, исподлобья.

Лицо его было спокойным, но взгляд показался мне уж слишком задумчивым.

– Полно, мистер Хэтчер, – махнул рукой Джон. – Вам ли не знать, какие женщины плутовки. С девочки сталось бы тайно подготовить к побегу новое платье, в котором её бы никто не узнал. А то, что мать не ведала о её сердечном увлечении, немудрено: девушки порой бывают такие скрытные. – Он кинул влюблённый взгляд в сторону стола, где Бланш как раз счастливо хлопала в ладоши, радуясь не то победе, не то её приближению. – За что люблю мою милую Бланш, так за то, что она вся как на ладони. Чистая, открытая, без капли женского коварства...

– Мы тоже надеемся на побег Кэти, – медленно проговорил мистер Хэтчер. – Пока у нас всё равно нет никаких доказательств обратного. Но если это не так...

– Ребечка! – требовательно воскликнула матушка за моей спиной, решительно прерывая беседу. – Спой нам, будь добра.

Сдержав тоскливый стон, я недобро посмотрела на рояль. Элизабет, как раз окончившая демонстрировать свой талант, грациозно поднялась с банкетки, одарив меня высокомерно-снисходительным взглядом и довольно пакостной усмешкой.

Она не хуже меня знала всю степень моей сомнительной одарённости.

– Матушка, вы же знаете, мои скромные способности не стоят того, чтобы портить ими такой чудный вечер. Песня Бланш или Эмили действительно усладит наш слух, тогда как моё писклявое...

– О, Ребекка, давай без твоих обычных едких увёрток! Бланш тоже сыграет. После тебя. Правда, лилея моя? Ведь скоро вы обе меня покинете, и когда ещё я смогу услышать вашу игру и ваши сладкие голоса! – Потянувшись за платком, мать театрально промокнула глаза. – Мои девочки вот-вот покинут Грейфилд... о, бедное моё сердце! Оно трепещет от счастья за вас, одновременно разрываясь от горя, предчувствуя своё одиночество...

– О, мама, – проворковала Бланш, растрогавшись (в отличие от матушки, вполне искренне). – Не плачь, умоляю!

Я ощутила, что от приторности происходящего мне вот-вот станет дурно, – и отец, явно разделяя мои чувства, стоически вздохнул.

– Ребекка, порадуй мать, – мягко произнёс он, накрыв мою ладонь своей. – Не так уж часто тебя просят сесть за рояль.

– Именно. Ибо это немилосердно как по отношению к инструменту, так и к слуху окружающих.

– Ребекка.

В этом коротком слове я уловила призрак грозных непреклонных ноток, сказавших мне куда больше любой пространной речи, – и опасливо посмотрела на мистера Форбидена.

Уж что-что, а свои сомнительные музыкальные таланты я бы хотела демонстрировать ему меньше всего. Тем более после образцовой певуны Элизабет, бросавшей на хозяина Хепберн-парка весьма заинтересованные взгляды.

Однако в ответ на мой взгляд «корсар» лишь невозмутимо проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.